

Царскосельский военный некрополь в культурно-историческом контексте развития Софии

Е. Н. Васильева¹, М. Е. Монастырская²

¹ Российская Федерация, 190000, Санкт-Петербург, пер. Пирогова, 13

² Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет,
Российская Федерация, 190005, Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская ул., 4

Для цитирования: Васильева, Елена, и Марина Монастырская. «Царскосельский военный некрополь в культурно-историческом контексте развития Софии». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение* 12, no. 2 (2022): 319–363.
<https://doi.org/10.21638/spbu15.2022.206>

Статья посвящена актуальной для Санкт-Петербурга и его окрестностей проблеме сохранения и использования специализированных объектов ландшафтной архитектуры — исторически обустроенных городских и пригородных кладбищ, часть из которых обладает статусом памятника истории и культуры. Решение означенной проблемы предполагает проведение комплексных междисциплинарных исследований таких архитектурно-планировочных форм на предмет установления и/или подтверждения их реальной ценности (историко-архитектурной, художественной, научной, мемориальной). К таким объектам относятся старейшие кладбища Пушкинского района Северной столицы — Александровское, Кузьминское, Московская Славянка, Павловское, Покровское, Шушарское — и наиболее изученное краеведами и историками архитектуры и потому хорошо известное городскому сообществу Казанское в г. Пушкине (Царском Селе). Возникновение и функционирование последнего непосредственно связано с культурно-историческим и градостроительным развитием Царскосельской Софии. Изложены результаты историко-архитектурных, историко-градостроительных и историко-культурных изысканий, выполненных авторами в границах «идеального города русского классицизма» и софийского городского выгона с привлечением значительного количества первоисточников: текстовых, иконографических, статистических, карто- и планографических архивных документов, большой объем которых впервые введен в научный оборот. Итогом работы стало выявление и атрибуция военно-мемориального объекта национальной значимости — Царскосельского военного некрополя как самостоятельной архитектурно-планировочной формы специального назначения. Определены предпосылки и особенности его формирования как совокупности обширных исторически обустроенных пространств воинских захоронений в южной части бывшего софийского городского выгона: кладбища Царскосельского военного госпиталя (середина XIX в.), Царскосельского военного кладбища (1887), нового кладбища Царскосельского гарнизона (1914) и Царскосельского Братского кладбища (1914). Установлены специфика его институционализации и проектно-строительного воплощения, закономерности территориально-пространственной организации и архитектурно-ландшафтного оформления, а также тенденции современного использования. Исследование выполнено с учетом феноменологии градотипологической трансформации во времени и пространстве Царскосельской Софии: уездного города

С.-Петербургской губернии, военизированного предместья Царского Села, престижного жилого района г. Пушкина.

Ключевые слова: архитектурно-планировочная форма, военно-мемориальный объект, воинские захоронения, Казанское кладбище, культурное наследие, Пушкин (Царское Село), София, Царскосельское Братское кладбище, Царскосельский военный некрополь.

Российскому менталитету, как известно, свойственно ознаменование памятных дат, а следовательно, и почитание явлений и событий, относящихся к самым разным сферам общественной жизни, хронологически с ними ассоциирующихся. Часто приверженность торжественным «ознаменованию» и «почитанию» как многовековой традиции прямо или косвенно определяет проблематику историко-культурных и историко-градостроительных (архитектурно-исторических) исследований, влияет на градостроительную и природоохранную деятельность, а также на деятельность по сохранению, ревитализации и/или реновации архитектурно-градостроительного наследия. Отмеченная традиция реализуется как в формальных и конъюнктурных «градостроительных мотивациях» [1, с. 42] субъектов отношений в области «пространственной организации социальных, экономических, экологических процессов жизнедеятельности» [2, с. 8] и потому не обретает в конечном счете предметного воплощения, так и в целенаправленной, идейно обусловленной и духовно наполненной исследовательской и практической деятельности. Именно такого рода деятельность способствует, как правило, открытиям, значимым в культурно-историческом плане для настоящих и будущих поколений россиян и создает перспективы их достойной актуализации в современных условиях.

К такому открытию можно отнести состоявшееся через сто лет после начала и окончания Первой мировой войны (28 июля 1914 — 11 ноября 1918), в 2014–2018 гг., отмеченных всплеском интереса российских элит и общества в целом к «Великой войне» или «Отечественной войне»¹, выявление авторами настоящей статьи архитектурно-планировочной формы специального назначения, пространственно не завершенной к 1918 г. и почти полностью утраченной в советское и постсоветское время, а именно Царскосельского военного некрополя². Выявление столь сложного по генезису объекта, находящегося сегодня в состоянии, противоречащем задачам сохранения исторических кладбищ и патриотического воспитания граждан России, стало возможным, во-первых, благодаря последовательной реализации общественно-политических инициатив и созданию градостроительной программы по увековечиванию памяти воинов Русской армии, павших в Первую

¹ Так ее воспринимали сами участники войны 1914–1918 гг. [3, с. 3].

² Название этой весьма специфической архитектурно-планировочной формы было предложено Е. Н. Васильевой и М. Е. Монастырской в 2013–2014 гг., в исследовании, выполненном для Благотворительного фонда «Воинский собор» [I; II], а в 2014 г. — в подготовленном теми же авторами Приложении № 1 к Акту по результатам государственной историко-культурной экспертизы выявленного объекта культурного наследия «Братское кладбище воинов, погибших в Первую мировую войну (1914–1918)» (Санкт-Петербург, г. Пушкин, Гусарская ул., у северо-западной границы Казанского кладбища) с целью обоснования включения объекта в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации [III] и в публикации М. Е. Монастырской [4].

мировую войну 1914–1918 гг., Благотворительным фондом «Воинский собор»³ [5] и, во-вторых, благодаря профессиональному «везению», настигнутому наконец историков архитектуры и градостроительства и обусловленному длительной и кропотливой работой с первичными и вторичными источниками изучения темы. Совмещение результатов обработки колоссального объема архивно-библиографических, карто-, plano-, фото- и иконографических источников, интернет-ресурсов с итогами натурных обследований и общения с краеведами, музейными работниками и старожилами г. Пушкин (Царское село) позволило сделать вывод о том, что имеет смысл ответственно заявить о существовании Царскосельского военного некрополя, формировавшегося в контексте следования историческим закономерностям и феноменологическим особенностям создания и преобразования⁴ Царскосельской Софии.

История формирования Царскосельского военного некрополя самым непосредственным образом связана с возникновением и градотипологической трансформацией Софии — уникальной в своем роде полуавтономной градопланировочной формы, не имеющей очевидных аналогов в истории градостроительного искусства. Ее становление и развитие исторически обуславливались и диктуются сегодня последовательным и/или сочетанным взаимодействием нескольких векторов градообразования [4, с. 14] или концептуально-мировоззренческих доминант пространственной организации, «территориального планирования» [12, с. 241] и ландшафтного обустройства этого городского поселения (части территории поселения). К таковым относятся философско-эстетическая и политическая мотивированность архитектурно-градостроительного процесса, мемориальная акцентуация культурных ландшафтов, военно-историческая принадлежность разнофункциональных территорий, зон, градопланировочных и архитектурно-планировочных фрагментов и объектов строительства (зданий, строений, сооружений), ландшафтно-рекреационная маркировка коммуникационных пространств (граней, дорог, бульваров, узлов и пр.), образно-стилевая регламентация зодчества [4, с. 15; II, с. 9–13]. Следует признать, что военно-организационные и мемориальные цели и установки градообустройства во все периоды софийской истории играли далеко не последнюю роль⁵.

³ Работы по формированию Концепции Царскосельского мемориала Первой мировой войны «Царскосельское Братское кладбище героев Первой мировой войны 1914–1918 гг.» были инициированы в середине 2000-х годов Благотворительным фондом по увековечиванию памяти воинов Русской армии, павших в Первую мировую войну 1914–1918 гг., «Воинский собор» (руководитель авторского коллектива В. Н. Филиппов; ОАО «58 Центральный проектный институт», 2007–2012 гг.) [5].

⁴ История проектирования, строительства, заселения Софии, ее краткого функционирования в качестве уездного города, постепенного упадка и превращения в военизированное предместье Царского Села достаточно полно освещена в целом ряде научных работ таких исследователей российских истории и культуры, зодчества и градостроительства, как Л. В. Бардовская [6], С. Б. Горбатенко [7], И. С. Дуранина [IV], А. В. Иванов [7], Б. М. Кириков [IV], В. И. Лелина [7], М. Н. Микишатев [8; IV], М. Е. Монастырская [4; II], С. Г. Федоров [IV], Д. О. Швидковский [6; 9–12]. Из неопубликованных работ отметим исследование М. Н. Микишатьева «Основные этапы формирования и развития планировки и застройки Царского Села — города Пушкина», т. 1 в составе НИР Ленинградского НИИТАГа [IV].

⁵ Известно, что еще с середины XVIII в. на территории будущей Софии во временных жилищах «стали размещать лагеря солдат, присылавшихся для строительных работ» [IV, с. 65]. Располагались эти лагеря близ дороги на Гатчину. Сведения «о пребывании воинских частей в Царском Селе до царствования Екатерины II крайне отрывочны, однако присутствие воинского элемента отмечено» [IV, с. 65].

В массовом сознании и профессиональной культуре образ Царскосельской Софии, несмотря на ее динамичную градотипологическую трансформацию, состоявшуюся в территориальных границах поселения (части территории поселения) и софийского городского выгона за два с половиной столетия⁶, запечатлен и сохранился в двух ипостасях:

— как уездного города — «идеального города русского классицизма» [9], который был запроектирован и построен шотландским архитектором Чарльзом Камероном в 1780-х годах⁷ согласно именному указу императрицы Екатерины II от 1 января 1780 г.⁸, и являвшего собой скорее модель города, нежели собственно поселение [12, с. 238], призванную воплотить «мир “просвещенного благополучия”» [12, с. 238] и предполагавшую создание «идеальной жизненной среды на основе благоустроенного пейзажа» [11, с. 123];

— как военизированного предместья Царского Села, в границах которого состоялось расквартирование полков Царскосельского гарнизона и которое получило соответствующие этому приоритетному назначению пространственную структуру, градопланировочную организацию и архитектурно-художественное оформление [II, с. 10].

Территория уездного города Софии, несмотря на близость к императорским дворцовым угодьям Сарской мызы (фин. *Saari mojs*, швед. *Saritzhoff*), принадлежавшей, согласно указу Петра I от 31 мая 1708 г., царице Екатерине Алексеевне, а за-

---

но с первых лет существования... императорской резиденции <...>. Делались попытки разместить некоторые воинские части на постоянных квартирах» [13, с. 5]. Уже в начале строительных работ в Софии были возведены четыре деревянных дома для размещения 42 «военнослужащих штатной конной и пехотной команд, также гарнизонных и инвалидов солдат»; «при должностях» же в новом городе состояли 17 штаб- и обер-офицеров [V, л. 4, 5]. «В 1775 и 1783 гг. в Царском Селе проходили смотры полка, а в 1790 и 1793 гг. лейб-гренадеры стояли на квартирах в Софийском и других округах» [13, с. 6]. При Павле I в Царском Селе и в окрестностях часто квартировал лейб-гвардии Гусарский полк. К 1807 г. относятся первые документальные сведения о расквартировании его на территории Софии, когда полк не имел специального «городка» и расквартировывался поэскадронно [14, с. 174–5]. Начало формирования постоянного Царскосельского гарнизона относится к 1810-м годам [13, с. 6].

⁶ В хронологических границах историко-градостроительного развития Царскосельской Софии и софийского городского выгона можно условно выделить четыре цикла проектного и фактического освоения: I цикл — предыстория (до 1770-х годов), II цикл — уездный город (1779–1808), III цикл — предместье Царского Села (1808–1917/18), IV цикл — окраинная территория г. Детского Села (1918–1937), затем г. Пушкина — центра Пушкинского района Ленинградской области, который в 2005 г. вошел в административно-территориальные границы Большого Петербурга [III, с. 27].

⁷ Нивелирование и разбивка плана города на местности были проведены инженер-майором П. Поздеевым под руководством генерал-майора Ф. В. Бауэра [15, с. 13].

⁸ План проектируемого нового города Софии 5 сентября 1779 г. Комиссия о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы представила на «конфирмацию» (утверждение) императрице Екатерине II. 1 января 1780 г. императрица издала именной указ Сенату о принятии нового административного деления С.-Петербургской губернии на семь уездов, в числе которых был Софийский. В указе повелевалось: «При селе Царском, по правую сторону новой дороги Новгородской, а по левую к Порхову идущей, устроить город, под названием София...» [16, с. 906]. Предполагалось, что София станет одним из центров Петербургской губернии [11, с. 121, 122]. В Санкт-Петербургской губернии ко времени вступления на престол Екатерины II насчитывалось всего 68 992 души (старинные переписи учитывали только мужское население, поэтому данные по XVIII в. исчисляются в «душах м. п.»). Городов к тому времени, кроме Петербурга, оставалось в губернии всего три: Ямбург, Копорье и Шлиссельбург. Новый уездный город София должен был заменить собой старую слободу при императорском дворце Царского Села [IV, с. 62, 63].

тем с 1728 г. — ее дочери цесаревне (с 1742 г. — императрице) Елизавете Петровне [17, с. 7], до середины XVIII в. не была заселена. К юго-востоку от нее существовала «чухонская деревня» Дубинка, на место которой в 1745 г. «были переведены “казенные” кирпичные заводы, до этого располагавшиеся — у самых Нижних прудов» парка пригородной императорской резиденции [IV, с. 65]. Опорная градостроительная ситуация, сложившаяся к началу формирования города Софии, отражена на рукописном «Геометрическом специальном плане Капорского уезда села Царского с слободами и деревнями собственного Ея Императорского Величества владения», исполненном в октябре 1769 г. землемером капитаном Николаем Бровцевым, а в мае 1778 г. «к окончанию приведенном» землемером Петром Никитиным [VI, л. 1] (рис. 1). Этот интереснейший фиксационный план, хранящийся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга и ранее не публиковавшийся, в 2013 г. был выявлен одним из авторов статьи — М. Е. Монастырской. Согласно «Геометрическому специальному плану...», южнее территории будущей Софии (на землях, отведенных в 1780-е годы под софийский городской выгон) в середине — второй половине XVIII в. существовали две крошечные деревни Большая Ладога и Малая Ладога («Ладуга») в несколько домов каждая, разделенные «Ладогским» ручьем — притоком более полноводного Гуммосарского («Кумолосарского») ручья. Эти деревни занимали наиболее возвышенные и сухие участки в южных окрестностях Царского Села. Неподалеку от них, к юго-востоку относительно Малой Ладоги и к югу относительно Большой Ладоги, в дальнейшем будет сформирован землеотвод для устройства софийского городского кладбища. Помимо двух упомянутых деревень и кирпичных заводов, в границах территории будущей Софии показаны комплекс Скотного двора⁹, возведенный в 1767 г. близ Московской дороги («объездной парковой дороги»), и солдатские слободы¹⁰, выстроенные в середине XVIII в. вдоль Гатчинской дороги и в 1778 г. частично уже расселенные.

После вступления в 1762 г. на российский престол Екатерины II Царское Село стало ее любимой летней резиденцией и, таким образом, получило мощный импульс к дальнейшему развитию: был расширен и реконструирован дворец, сформирована новая пейзажная часть парка, построены многочисленные парковые павильоны и сооружения. Именно в период правления Екатерины II «Царское Село начинает оформляться как место сосредоточения памятников в честь побед русского оружия» [13, с. 5]: ею была заложена традиция установки мемориальных или «триумфальных», весьма аттрактивных по своему архитектурно-художественному облику сооружений¹¹. Создание Царкосельской Софии — своего рода градостро-

⁹ В комплексе каменных строений Скотного двора размещалось «собственных Ея Императорского Величества вотчин правление» с относящимися к нему «чинами» и службами, «которые пред открытием и названием сего места городом переделаны в судебные места» [V, л. 1 об.].

¹⁰ Две слободы были возведены солдатами временных строительных команд, с 1750 г. регулярно направлявшихся «для работы в Селе Царском», которые «остались при Конторе Села Царского <...> и обселились тут своими домами» [V, л. 1–1 об.]. Перед началом строительства Софии эти военные соединения были выведены за пределы ее территории.

¹¹ Заложённая Екатериной II традиция установки в Царском Селе памятных сооружений, прославлявших русское оружие (возведенные по проектам арх. А. Ринальди в 1770-х годах памятные колонны: Морейская, Чесменская (Орловская), Крымская, Кутульский (Румянцевский) обелиск, Гатчинские (Орловские) ворота), была продолжена императорами Александром I (ворота «Любезным моим сослуживцам») и Николаем II (мемориальные здания и сооружения в память Первой мировой войны).

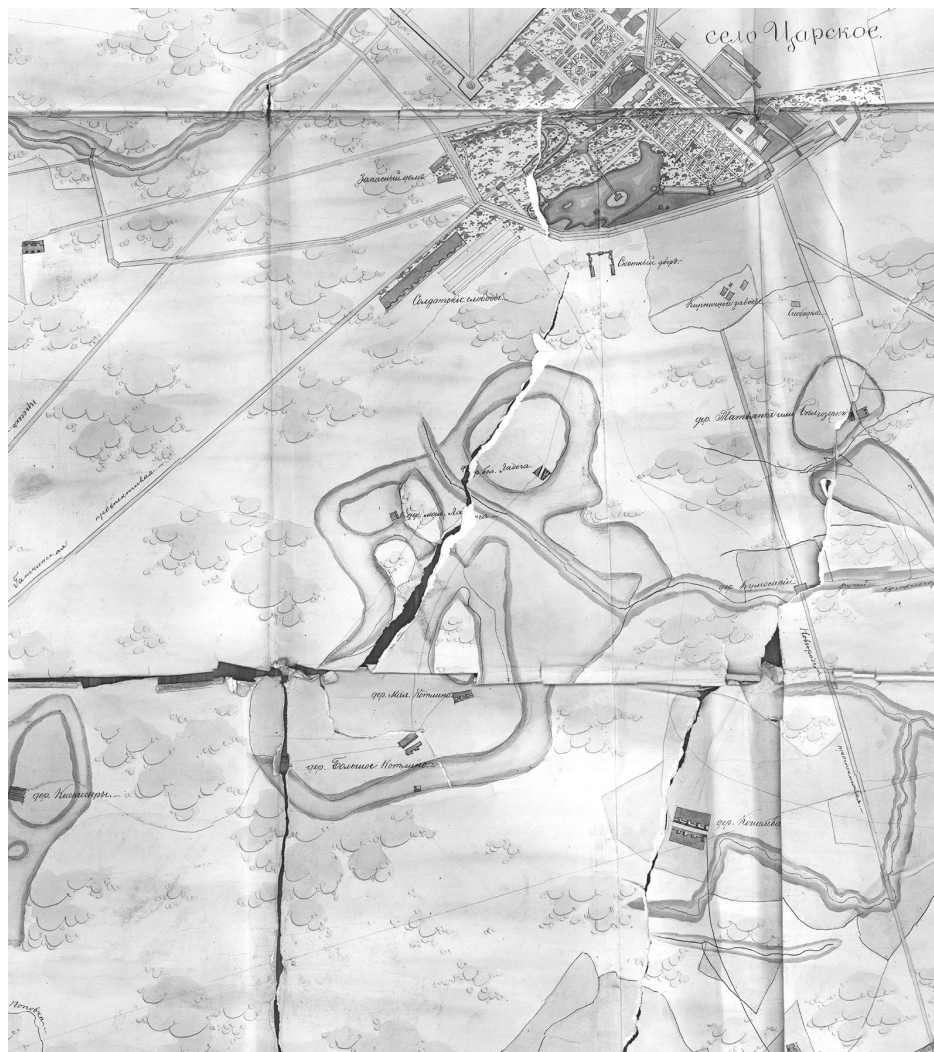

Рис. 1. Геометрический специальный план Капорского уезда села Царского с слободами и деревнями собственного Ея Императорского Величества владения. Межевание 1769 г. октября землемером капитаном Николаем Бровцевым, а к окончанию приведен 1778 г. мая землемером Петром Никитиным. Фрагмент [VI, л. 1]

ительный эксперимент, которым «Екатерина II начала реформу русских городов» и который, даже не будучи реализованным во всей полноте, оказал «значительное влияние на дальнейшее развитие Царского Села» [15, с. 12], имело не только многозначительный политико-идеологический подтекст [8, с. 89], концептуально оформленную эстетико-представительскую и пространственно-средовую мотивацию [11, с. 118–28], но и мемориальное предназначение¹². Город София должен был стать

¹² Имена главных храмов нового города — Софийского собора и Цареконстантиновской церкви — свидетельствуют о символической роли этого «идеального» города, воплощавшего заветную мечту Екатерины II — победу над Портой (Турецкой Османской империей) и завоевание священно-го Константинополя [IV, с. 63].

грандиозным памятником славным военным победам России и самому царствованию Екатерины II.

Северной границей нового города Софии служила «объездная парковая дорога», или Московская дорога, по которой проходила трасса из Петербурга в Москву (ныне Парковая улица). Его западной границей стала «дорога к Порхову идущая», она же дорога Гатчинская, или «Перспективная большая дорога из Смоленска в Санкт-Петербург» (современное Красносельское шоссе), восточной — проспект Новгородский (впоследствии Гуммолосарская дорога, сейчас Кадетский бульвар и его продолжение) [III, с. 29]. Место, отведенное в 1779 г. под город Софию, по мысли ее создателей, должно было занять «по обоим тем дорогам примерно по пяти сот сажень» [IV, с. 64]. Ими предлагалось «на сей дистанции определить городскую дорогу и по ней ров кругом всего города» [IV, с. 64]. Городская дорога — южная граница города Софии (современная Сапёрная улица). За городским валом и рвом начинались принадлежавшие городу выгонные земли, являвшиеся неотъемлемой частью старых русских городов: «Для городского выгона отвести по Межевой инструкции между Гатчинскою и Новгородскою дорогами по две версты; состоящие теперь на сей выгонной дистанции деревни переселить» [IV, с. 64]. После выселения с территории софийского городского выгона крестьян деревень Большая Ладога и Малая Ладога исторически освоенная местность, освободившаяся на южном берегу Ладожского ручья, стала использоваться под городское кладбище¹³, первоначально названное Софийским [VII, л. 1]. Это кладбище «было устроено в соответствии с правилами, определенными сенатским указом 1772 года, предписывавшими отводить место для погребений не ближе 100 сажень от последнего городского жилья. Место обводилось плетнем или другим ограждением не выше двух аршин, “дабы через то такие места воздухом скорее очищались”» [IV, с. 255, 256]. К 1783 г. относится первое документальное упоминание о Софийском кладбище, свидетельствующее, что к этому времени была «состроена часовня на назначенном к городу выгоне, при которой обкопано валом для кладбища место» [V, л. 3] (т.е. участок кладбища был обнесен валом и рвом). Прямоугольный в плане кладбищенский земельный участок с часовней, расположенной в его геометрическом центре, зафиксирован на плане «города Софии с выгонною землею», который датирован 1783 г. [VIII, л. 1]. В пояснении к этому плану отмечено, что общая территория городского выгона (лит. В) составляла 553 десятины 51 кв. сажень, под кладбищем же (лит. С) находилось 2116 кв. сажень (рис. 2).

Социальный статус и историко-культурная значимость нового кладбища существенно возросли после захоронения на нем в скромной деревянной часовне фаворита императрицы Екатерины II, 26-летнего генерал-адъютанта А. Д. Ланского (1758–1784). Так — ярко и определенно — была намечена военно-мемориальная компонента развития архитектурно-планировочной формы специального назначения и, следовательно, создана предпосылка формирования будущего Царско-сельского военного некрополя.

В период 1785–1790-х годов по проекту архитектора Джакомо Кваренги над могилой А. Д. Ланского был построен каменный храм-усыпальница во имя иконы

¹³ Первые церкви Царского Села с устроенным при них кладбищем существовали на территории современного Лицейского сада. Позднее городское кладбище было перенесено подальше от дворца, за ручей Вангази, а в 1749 г. за речку Кузьминку, где и сейчас сохраняется старейшее кладбище Царского Села — Кузьминское [18, с. 23].

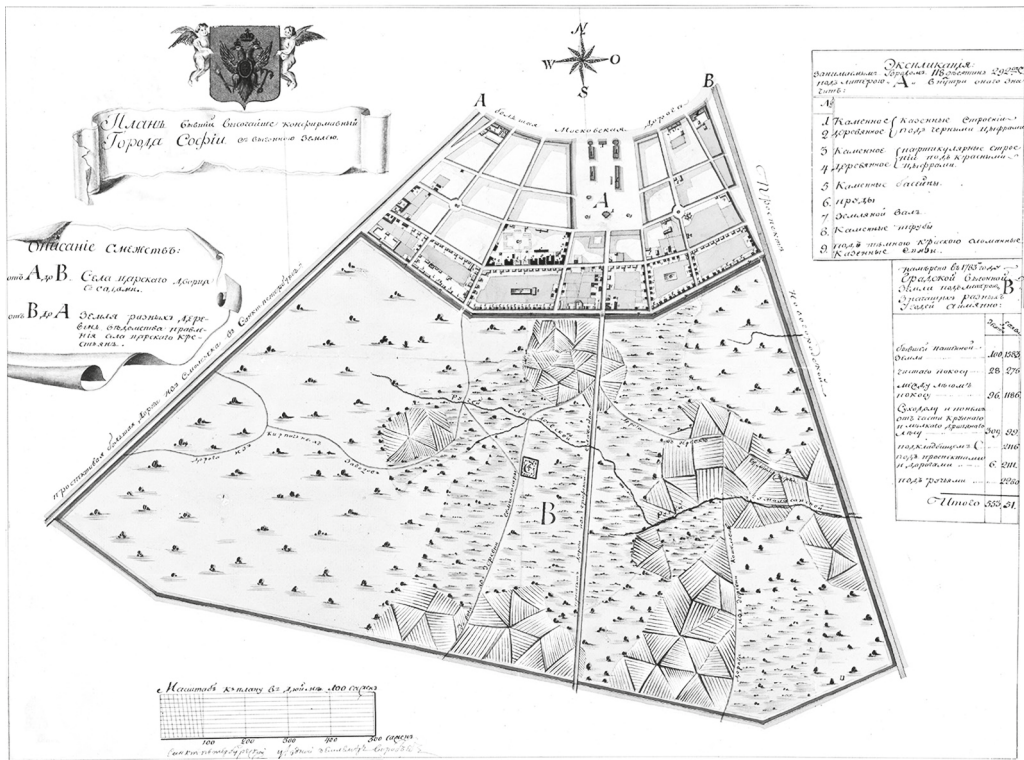

Рис. 2. «План бывший Высочайше подтвержденный города Софии с выгонною землею». Санкт-петербургский уездный землемер Воробьев. 1783 г. [VIII, л. 1]

Казанской Божией Матери (так называемый мавзолей Ланского), у западной границы кладбища возведена отдельно стоящая колокольня. Тогда же земельный участок кладбища был обнесен каменной оградой с воротами, обращенными на север, к Софии. Созвучно названию храма кладбище вскоре стали называть Казанским¹⁴, его архитектурно-пространственный облик запечатлен на рисунке Джакомо Кваренги, датированном 1780-ми годами [19] (рис. 3).

Как известно, после смерти императрицы Екатерины II в 1796 г. София — «город, который должен был “делать вид” аллеям парка» [12, с.243], но оставшийся «в значительной степени в замыслах и мечтах» [12, с.243], быстро пришел в запустение и был заброшен. К началу XIX в. не только практически полностью была разрушена его архитектурно-пространственная форма¹⁵, но и утрачены первоначальные планировка и трассировка улично-дорожной сети.

¹⁴ В документах первой половины — середины XIX в. встречаются оба названия кладбища: Софийское и Казанское. Позднее второе название стало общеупотребительным.

¹⁵ Ряд кварталов обывательской застройки еще сохранялся в 1817 г. в южной части бывшего города София, вдоль городского вала. То, что осталось от Софии — «образцового» поселения конца XVIII в., на фиксационном плане 1820-х годов, обозначено как «бывший город София». К этому времени значительная часть старых городских строений оказалась перенесена в Царское Село, а оставшаяся — разобрана [20].

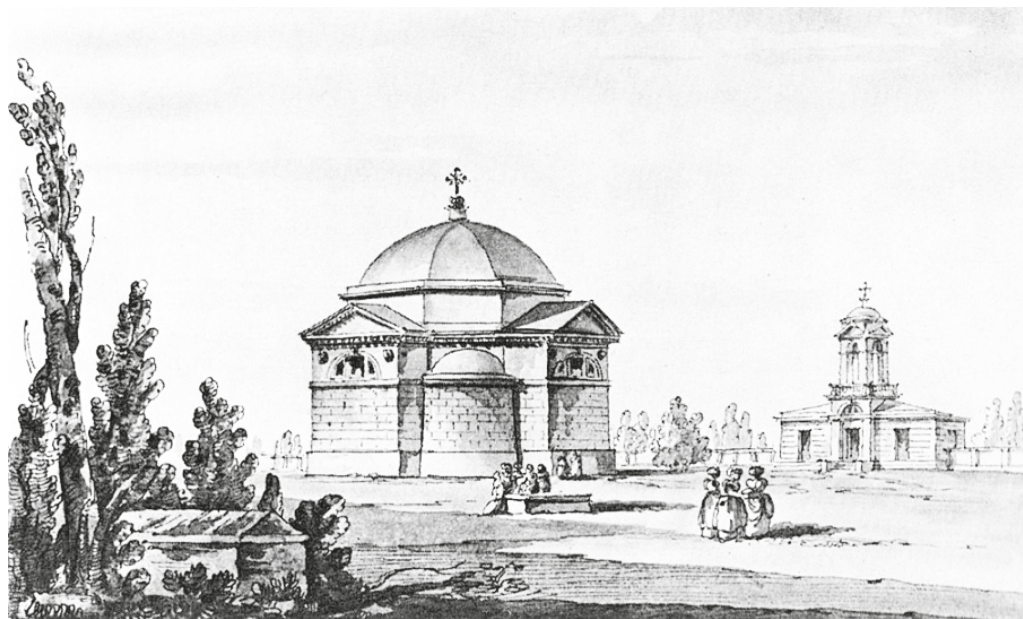

Рис. 3. Мавзолей А. Д. Ланского и колокольня на кладбище в Софии (Царское Село).
Рисунок Дж. Кваренги. 1780-е годы [19]

В качестве уездного города — административного центра Софийского уезда Санкт-Петербургской губернии — София просуществовала недолго, всего 28 лет — с 1780 по 1808 г. [21, с. 52]. Именным указом от 29 августа 1808 г. «Имп. Александр I <...> повелел город Софию соединить с Сарским селом и соединенный город именовать» [22, с. 562] «город Сарское село или София» [23, с. 565]. Исходная двухчастная ландшафтно-градостроительная структура новообразованного поселения (дворцово-парковый комплекс императорской резиденции с небольшой слободой дворцовых служащих при нем — Село Царское и город София) в первой трети XIX в. трансформировалась в трехчастную, сохранившуюся до наших дней [II, с. 5]: «сады, парки и дворцы» и «собственно город», который, в свою очередь, разделялся «на 2 части: городскую с собором Св. вмц. Екатерины и торговую площадью и софийскую с собором во имя Вознесения Господня и обширным перед ним плацом» [22, с. 562]. В 1811 г. площадь софийского городского выгона была сокращена с 553 десятин 51 кв. сажени до 135 десятин 550 кв. саженей, так как большую часть выгонной земли бывшего города Софии отдали царскосельским дворцовым крестьянам в возмещение земель, изъятых у них для устройства городского выгона, необходимого «соединенному городу» [IX, л. 8 об.]. К концу правления императора Александра I Царское Село было «по его повелению возведено в достоинство города, вместо Софии» [21, с. 52]. Вторая (Софийская) часть Царского Села, обретя статус городского предместья, начала в первой половине XIX в. использоваться властями для размещения на постоянной основе полков Царскосельского гарнизона¹⁶. Первыми

¹⁶ При этом топоним София является вполне современным, действующим: он и сейчас служит обывательским (неофициальным) названием юго-западной части г. Пушкина.

«постоянные квартиры» в Софии получили полки, вернувшиеся в Россию после победного завершения войны с Наполеоном. Так, в «октябре 1814 г. <...> в Царском Селе окончательно разместились лейб-гусары. В 1815 г. в городе временно расположился Гренадерский Его Величества Императора Австрийского полк» [13, с. 6]. Оба полка были расквартированы в Софии в зданиях комплекса судебных присутственных мест¹⁷ и в специально выстроенных вдоль Московской дороги (Волконская, ныне Парковая улица) полковых казармах.

С того времени название София все больше ассоциируется с южной частью Царского Села, в которой постепенно обустроивались воинские части Царскосельского гарнизона [13, с. 6], основу которых традиционно составляли привилегированные лейб-гвардейские полки¹⁸. Так «триумфальная» и военно-организационная темы¹⁹ «постепенно вытеснили картинку “просвещенного благополучия”» [11, с. 128]. Новая планировка Софийского предместья начиная с 1830-х годов целенаправленно формировалась сообразно окончательно установившемуся функциональному назначению местности. Для каждого полка здесь возводился «военный городок» — комплексное архитектурно-планировочное образование закрытого (казарменного) типа. Была заново трассирована улично-дорожная сеть военизированного предместья, органично увязанная с единой общегородской планировочной структурой Царского Села [II, с. 9]. Западную часть Софии занимал обширный плац-парад, или «софийское поле» («учебное поле»), для устройства которого в конце 1810-х — 1820-х годах была проведена расчистка территории от остатков первоначальной обывательской застройки [X–XII]. Городские выгонные земли, сохранившиеся за Софийским предместьем, в первой половине XIX в. постепенно «обживались» Военным ведомством по соглашению с городскими властями путем формирования отдельных земельных участков временного пользования различного назначения: для размещения полковых огородов, стрельбища, возведения небольших деревянных хозяйственно-бытовых и складских построек (сарай, бани, склады сена, пороха и пр.) [XIII, л. 1–6] (рис. 4).

¹⁷ Комплекс построек бывшего Скотного двора.

¹⁸ В 1830-х годах новые южные кварталы города Царского Села были объединены с Софийским предместьем и образовали 3-ю городскую часть, осваивавшуюся преимущественно Военным ведомством [15, с. 424–7].

¹⁹ «В 1833 г. <...> в царскосельской Софии разместили на постоянные квартиры семь эскадронов лейб-гвардии Гусарского, с 1856 Его Императорского Величества полка, а также полки Императорской лейб-гвардии: Кирасирский, Образцовый пехотный» [15, с. 427]. В новых кварталах 3-й городской части рядом с Софийским предместьем расположился учебный Саперный батальон, для которого были возведены саперные казармы. Впоследствии их занимал лейб-гвардии 1-й Стрелковый Его Императорского Величества полк. К западу от саперных казарм в 1840-х годах возвели казармы Образцовых артиллерийских батарей, затем занятые Офицерской артиллерийской школой. В западной части Софии в конце XIX в. находились казармы лейб-гвардии 2-го Царскосельского стрелкового полка, военный госпиталь, учебный плац, на периферии которого были обособлены места для стрельбища и тиров. В начале XX в. часть гусарских казарм вошла в состав нового казарменного комплекса лейб-гвардии 4-го Стрелкового Императорской Фамилии полка. В 1910-х годах были выстроены казармы лейб-гвардии 3-го Стрелкового Его Императорского Величества полка [7, с. 29]. Территории и участки казарменных комплексов Софии на протяжении двухсот лет неоднократно становились объектами реконструкции, в процессе которых осуществлялись целевые перепланировка и благоустройство местности, надстройка, расширение, перестройка и замена исходных функций зданий, строений и сооружений. Однако значительная часть объектов военнотипологической ориентации используется сегодня в соответствии с их историческим назначением [II, с. 9–10].

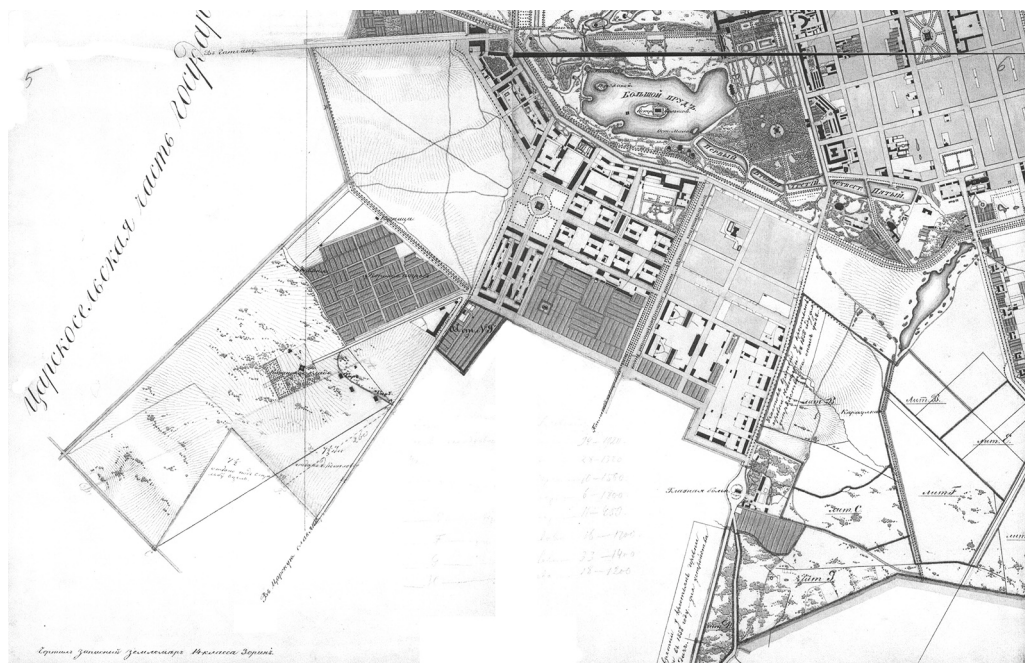

Рис. 4. Специальный хозяйственный план Царского Села и деревни Новой. Чертил запасный землемер 14-го класса Зорин. 1846 г. Фрагмент. От дороги, ведущей на Казанское кладбище, проложен проезд на стрельбище (к «тирам»), имеющий характерное криволинейное очертание [XIII, л. 1–6]

С начала XIX в. военное ведомство стало активно осваивать территорию городского выгона и как территорию специального назначения (военный некрополь) в развитие военно-мемориальной компоненты софийского градообразования. Именно на Казанском (Софийском) кладбище находили упокоение умершие в военных лазарете и госпитале нижние воинские чины²⁰ полков, расквартированных в Царском Селе. Об этом свидетельствуют документы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург) и обнаруженные одним из авторов настоящей статьи Е. Н. Васильевой.

Так, 21 мая 1847 г. на имя главноуправляющего городом Царским Селом, генерала от артиллерии Якова Васильевича Захаржевского, поступило письмо от причта царкосельской Екатерининской соборной церкви, в ведении которой находилась кладбищенская церковь иконы Казанской Божией Матери²¹. В письме, подписанном священниками Феодором Тигодским, Иаковом Федоровым, Андреем Ветвеницким, диаконом Алексеем Сергеевым, дьячком Алексеем Ивановским и причетником Василием Никитиным, говорилось, что «на Софийском кладбище

²⁰ К числу нижних воинских чинов в царской армии относились прапорщики, подпрапорщики, фельдфебели (вахмистры), старшие и младшие унтер-офицеры, ефрейторы и рядовые [24].

²¹ С момента постройки Казанская церковь приписывалась к различным храмам, и в ней служили лишь в поминальные дни и при отпевании усопших. С 1819 г. она использовалась как полковая церковь. Только в 1860 г. Казанская церковь стала самостоятельной, в ее ведении находилось и кладбище [25, с. 351]. С 1901 г. существовало особое попечительство, деятельность которого была направлена на «поддержание благоустройства кладбища и на улучшение быта духовенства и служащих, равно как и на призрение 14 женщин» [26, с. 234], проживавших в богадельне при кладбище.

при входе с левой стороны не имеется уже места для погребения умерших, почему от Военного Госпиталя²² умерших кладут гроб на гроб и худо зарывают по причине малого количества земли. Донося о сем <...> причт имеет честь покорнейше просить отвести место для погребения тел военных солдат за оградю, по левую руку против Лютеранского кладбища» [XIV, л. 1]. Из письма церковного причта следует, что изначально на Казанском кладбище не существовало специального участка для воинских захоронений. До конца 1840-х годов погребение нижних воинских чинов производилось в восточной части «православного кладбища», отведенного для бесплатных захоронений гражданских жителей города Софии и Царского Села²³. Письмо священнослужителей свидетельствует также о том, что захоронения нижних воинских чинов производились от военного госпиталя. Именно этому казенному учреждению, равно как и представителям военного духовенства, была отведена основная роль в организации похорон скончавшихся в его стенах нижних воинских чинов. На могилах последних заботами госпиталя (и лазарета) устанавливались деревянные кресты. Расходы же на погребение относились на счет Военного ведомства.

Получив письмо церковного причта, В.Я.Захаржевский распорядился: «Об обстоятельстве здесь описанном предписать Полиции дознать немедленно, пригласив к тому кого следует; об отделении же места за кладбищем, по рассмотрении с Город<ским> Архитектором и соображении надобен план, который и представить ко мне» [XIV, л. 1]. 23 и 26 мая 1847 г. представители полиции, священник Екатерининского собора Ф.Тигодский и архитектор Н.С.Никитин осмотрели местность, расположенную за оградой Казанского (Софийского) кладбища. Никитиным был составлен фиксационный план кладбища «с показанием» прямоугольного участка «православного кладбища», который разделялся центральной дорожкой на западную (лит. С) и восточную (лит. В) части: в геометрическом центре православного кладбища располагалась Казанская церковь (лит. А), у западной его границы — колокольня [XIV, л. 15] (рис. 5). Восточная и западная части православного кладбища как по периметру (вдоль ограды XVIII в.), так и по обеим сторонам кладбищенских дорожек были обсажены рядами деревьев. План Никитина свидетельствует, что в 1847 г. захоронениями была занята только восточная часть участка православного кладбища (площадью 2340 кв. саженей [XIV, л. 4 об.]), западная же его часть площадью 2300 кв. саженей [XIV, л. 4 об.] к середине XIX в. оставалась резервной. За южной оградой участка православного кладбища, согласно решению городских властей, были специально отведены места для погребения лиц лютеранского и католического²⁴ вероисповеданий. Они представляли собой два равновеликих участка правильной формы (лит. D), симметрично расположенных относительно главной ландшафтно-планировочной оси православного, или «русского», кладбища — его

²² Возросшая численность Царскосельского гарнизона потребовала расширения существовавшего с 1819 г. военного лазарета. Для этого был учрежден военный госпиталь 2-го класса на 300 больных. Новый госпиталь разместили на углу Волконской улицы и Гатчинской дороги в трехэтажном каменном здании (бывшего Почтового двора), перестроенном для этих нужд в 1837–1840-х годах [27].

²³ Эта старейшая часть кладбища изображена на переднем плане рисунка Дж. Кваренги, датированного 1780-ми годами (см. рис. 3).

²⁴ Лютеранско-католический участок, или «немецкое кладбище», при православном Софийском кладбище был выделен в 1824 г. [XIV, л. 11 об.].

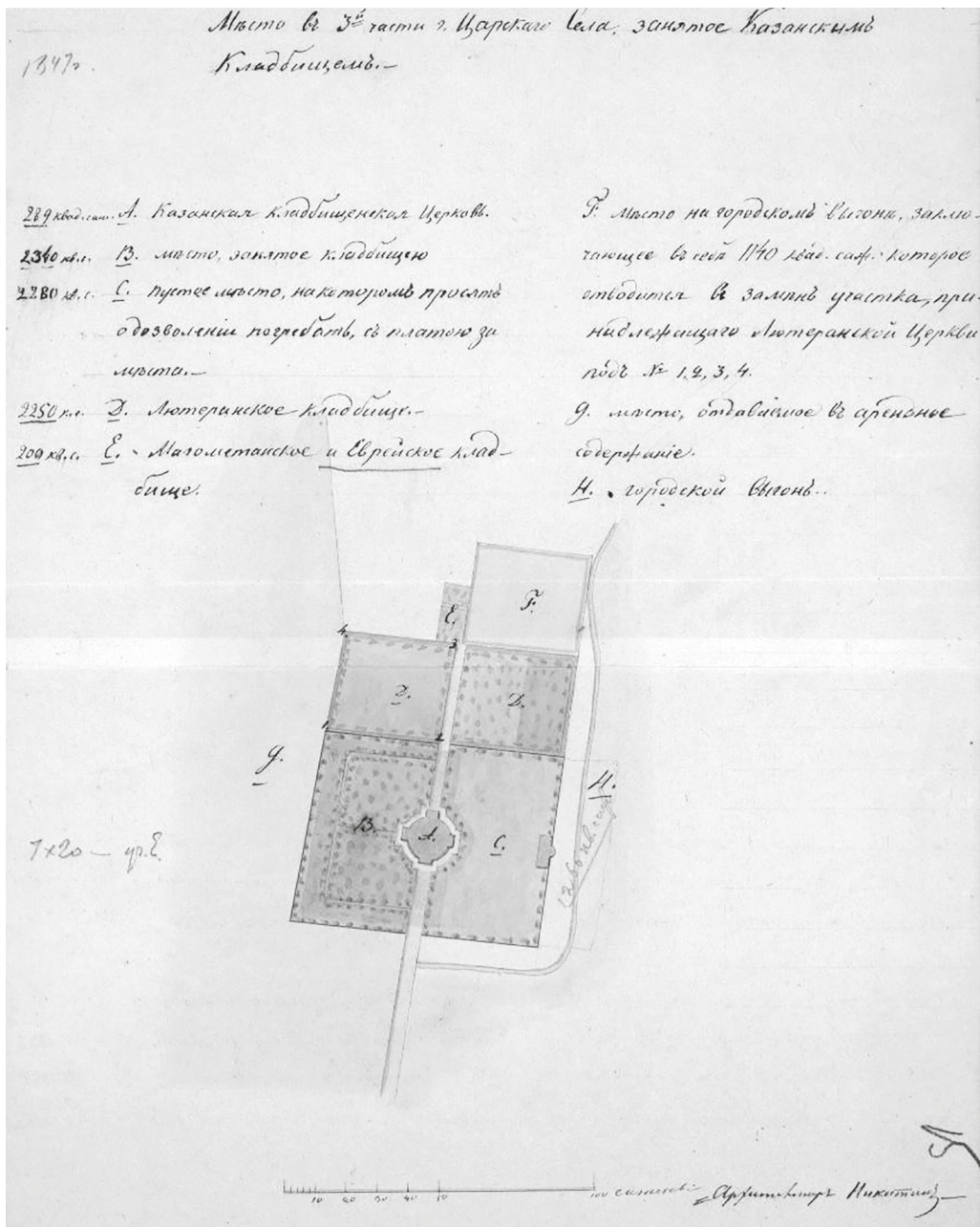

Рис. 5. Место во 3-й части г. Царского Села, занятое Казанским кладбищем. Архитектор Н. С. Никитин. 1847 г. [XIV, л. 15]

центральной дорожки, служившей продолжением дороги на Казанское кладбище, которая с XVIII в. соединяла кладбище с Царскосельской Софией.

Общая площадь кладбищенского участка «лютеранского, католического и прочих христианских исповеданий» [XIV, л. 4 об.], или просто «немецкого кладбища», составляла на 1847 г. 2250 кв. саженей [XIV, л. 4 об.]. К середине 1840-х годов, как свидетельствует фиксационный план Никитина, захоронениями был занят лишь западный из двух инославных участков. Восточный участок лютеранского кладбища, пустовавший, но уже подготовленный к использованию (осушенный, выровненный и обсаженный деревьями по периметру), церковнослужители и предложили городским властям отвести под погребение «военных солдат», предоставив совету лютеранской церкви во главе с пастором П.-Г. Авенариусом новый «пустопорожний» (т. е. не подготовленный к специальному использованию) участок земли городского выгона площадью 1140 кв. саженей (лит. F)²⁵.

Из рапорта царскосельского полицмейстера на имя Захаржевского об осмотре Казанского кладбища, произведенном 26 мая 1847 г., известно, что «наружный вид местности, занятой уже похороненными, оказался покрытым памятниками и возвышенностями, обозначающими могилы, довольно в тесных размерах <...> при взрытии земли между могил, для положения новых покойников встречаются часто старые гробы» [XIV, л. 4, 4 об.]. Таким образом, на Казанском кладбище, просуществовавшем менее 70 лет, в указанное время уже наличествовало множество бесхозных безымянных могил. Эти «возвышенности» в том числе могли быть старыми, не упорядоченными должным образом захоронениями нижних воинских чинов Царскосельского гарнизона. Простые деревянные кресты, которые традиционно устанавливали на могилы нижних воинских чинов христианского вероисповедания, со временем без надлежащего ухода ветшали и исчезали, а могилы, как следует из текста письма церковного причта, нередко использовались повторно.

После изучения фиксационного плана кладбища чиновниками Комиссариатского департамента военного министерства перед причтом Екатерининского собора был поставлен резонный вопрос: отчего же нельзя хоронить военных «по правую руку церкви Казанской Божией Матери» [XIV, л. 14], т. е. в свободной от захоронений западной части православного кладбища? Ответ, полученный служащими департамента от причта Екатерининского собора 7 октября того же года, содержал следующее разъяснение ситуации: «Причт... ходатайствует об отводе для погребения нижних воинских чинов, умирающих в военном Госпитале, нового места за оградой... потому, что внутри ограды по левую сторону церкви места нет <...> Умирающих в военном Госпитале, по отзыву полковых священников, бывает до 500 человек в год. Таковым количеством в немногие годы места по правую руку будут заняты, если там позволено будет погребать всех. <...> По левую сторону церкви умершие погребались без платы <...> причт Екатерининского собора ходатайствует о разрешении внутри ограды, по правую сторону церкви, погребать тела умерших, за места коих будет учинен вклад, употребляемый для поддержания

²⁵ К южной границе участка исходного и к восточной границе участка новообразованного лютеранского кладбища примыкал объединенный участок магометанского и еврейского кладбищ, обозначенный на плане Никитина общей лит. Е (каждое из двух иноверческих кладбищ занимало площадь всего в 100 кв. саженей) [XIV, л. 4 об.].

церковного здания» [XIV, л. 17–18]. Суть проблемы, обозначенной в письме причта Екатерининского собора, состояла в том, что городские храмы Софии в ходе расквартирования в ее территориальных границах воинских частей были переданы Епархиальным ведомством полкам императорской гвардии для совершения богослужений. Так, кладбищенская церковь иконы Казанской Божией Матери в 1817 г. была приписана «к Скорбященской церкви в госпитале» [25, с. 351], в 1819 г. придана гренадерскому «Императора Австрийского полку» [17, с. 6], а с 1839 г. предоставлена Образцовому пехотному полку²⁶, но при этом находилась в их «временном лишь заведывании» [XIV, л. 17 об.], оставаясь собственностью Епархиального ведомства. Поэтому обязанность исправления «повреждений <...> церкви и колокольни» [XIV, л. 18] и возлагалась на причт Екатерининского собора, который, не располагая необходимыми денежными средствами на такие расходы, намеревался ввести плату за предоставление лучших мест, расположенных в пределах ограды Казанского кладбища, для погребения состоятельных «городских обывателей» [XIV, л. 18, 19].

Со своей стороны совет лютеранской церкви во главе с пастором лютеранской церкви Авенариусом принципиально не возражал против передачи своего участка для воинских погребений, но желал бы, чтобы городские власти предоставили взамен новый участок, равновеликий исходному по площади и не уступающий ему по благоустроенности, что, в свою очередь, привело бы к нежелательным издержкам городского бюджета [XIV, л. 9–10 об., 12]. Компромиссное решение проблемы, устроившее в конечном счете всех участников драмы, все-таки было найдено: в октябре 1847 г. «Конторе Военного Госпиталя... для погребения умирающих в Госпитале воинских чинов» [XIV, л. 26] власти Царского Села предоставили на городском выгоне «пустопорожный» (т. е. не подготовленный к использованию) участок «пространством в 1200 квадратных сажен», примкнувший с западной стороны²⁷ к ограде православного кладбища и, следовательно, находившийся сразу за колокольней, который на проектном плане, составленном архитектором Никитиным, был обозначен лит. D [XIV, л. 286] (рис. 6).

Кладбище Царскосельского военного госпиталя стало первым земельным участком, целевым образом выделенным городом на Казанском кладбище для «организованного» погребения нижних воинских чинов полков Царскосельского гарнизона. Его участок пересекала старинная сельская дорога, которая вела от главного входа Казанского кладбища к деревне Большое Катлино²⁸. Так было положено начало поэтапному созданию Царскосельского военного некрополя как самостоятельной архитектурно-планировочной формы — места массового захоронения военнослужащих, территориально обособленного от мест погребения гражданских лиц.

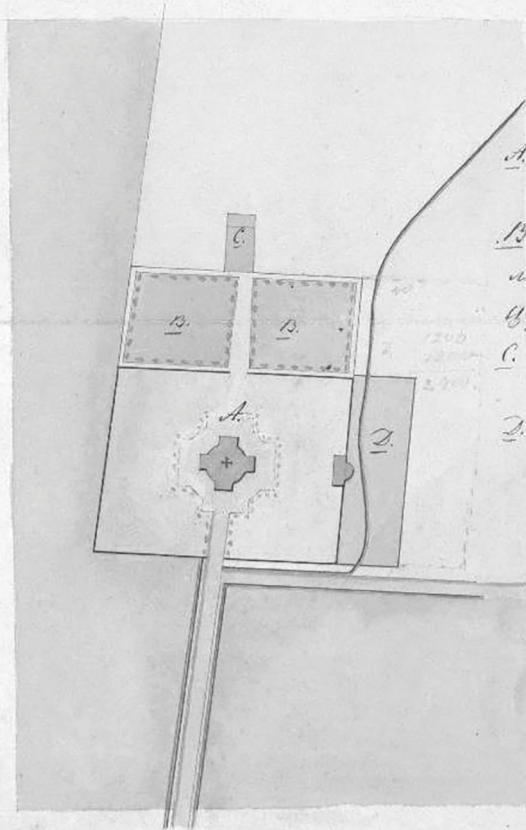
В 1848 г. силами Департамента военных поселений военный участок Казанского кладбища был обнесен валом «с насадкою небольших деревьев и вырытием

²⁶ Из другого источника — «саперному батальону и образцовому пехотному полку» [25, с. 351].

²⁷ За все годы существования Казанского кладбища его территория расширялась в западном, южном и северном направлениях, так как местность, расположенная к востоку от границы кладбища, с первой половины XIX в. использовалась в качестве полкового стрельбища.

²⁸ Трасса этой исторической дороги частично совпадает с существующей Катлинской кладбищенской дорожкой.

План участка во в. Царском Селе, в 3-й части:

- А. Место купальни, Православной Церкви.
- Б. Место кладбища, Католической и Англиканской Церкви.
- С. Место кладбища Монашеской общины.
- Д. Место, шириною 20 сажень, вышиною 60 сажень, квадратный саженей 1200, отведенный Князю Василью Владимировичу Толстому.

1847 года.

№ 1298

17-го октября 1847 г.

10 20 30 40 50 сажень.

Архитектор Никитин

Рис. 6. План участка в г. Царском Селе, в 3-й части. Архитектор Н. С. Никитин. 1847 г. [XIV, л. 28 б]

около вала канавы» [XIV, л. 24]. Уже к весне 1854 г. на первом участке «от многочисленного погребения произошло чрезвычайное стеснение» [XIV, л. 26]. В апреле 1854 г. военному госпиталю был отведен новый, смежный с первым участок площадью 2400 кв. саженей, предназначавшийся для воинских захоронений. Он обозначен лит. Е на проектном плане, подписанном архитектором Никитиным [XIV, л. 28a] (рис. 7).

Поскольку в состав Царскосельского гарнизона входили армейские единицы и военнослужащие разных конфессий — православного и мусульманского вероисповедования, то возникла необходимость решения вопроса о расширении и «магометанского кладбища», в границах которого в рассматриваемый период хоронили представителей воинских частей, сформированных из мусульман²⁹. В письме от 6 мая 1855 г., направленном в Царскосельское дворцовое правление, «состоящий при Штабе Главнокомандующего Гвардейскими и Гренадерскими Корпусами старший военный Ахун³⁰ просит Контору по неимению свободного места на кладбище Магометанского закона для погребения тел умерших нижних чинов об исходатайствовании разрешения об отводе свободного места за Казанским кладбищем» [XIV, л. 29]. Такой участок площадью 175 кв. саженей («шириною 7 сажен, глубиною 25 сажен» [XIV, л. 31]) был сформирован с западной стороны уже освоенных еврейского и магометанского кладбищ целенаправленно «для погребения тел умерших нижних чинов Военного ведомства» [XIV, л. 29]. На проектном плане, исполненном архитектором Никитиным в июле 1855 г., новый военный «магометанский» участок отмечен лит. F [XIV, л. 32a] (рис. 8).

Сегодня на обширной территории Казанского кладбища, в середине XIX в. отведенной городскими властями Царскосельскому военному госпиталю, отсутствуют все внешние признаки существовавшего здесь некогда солдатского кладбища (надмогильные кресты, специальные знаки, отмечавшие полковые участки и пр.)³¹. Вместе с тем до наших дней сохранилась историческая планировка бывшего военного кладбища: ее фиксирует план-карта, составленная в начале 2000-х годов исследователем Казанского кладбища В. А. Пановым [30] (рис. 9). Старейший участок военного некрополя Царского Села ограничивают дорожки: 1-я Поперечная — на севере, Красовского — на юге, Катлинская — на востоке, ров, проходящий вдоль восточной стороны Воинской дорожки, — на западе³². Благоустроенная просторная Каменная дорожка, «обсаженная деревьями и выложенная булыжником» [IV, с. 260], служила основным транзитным маршрутом через

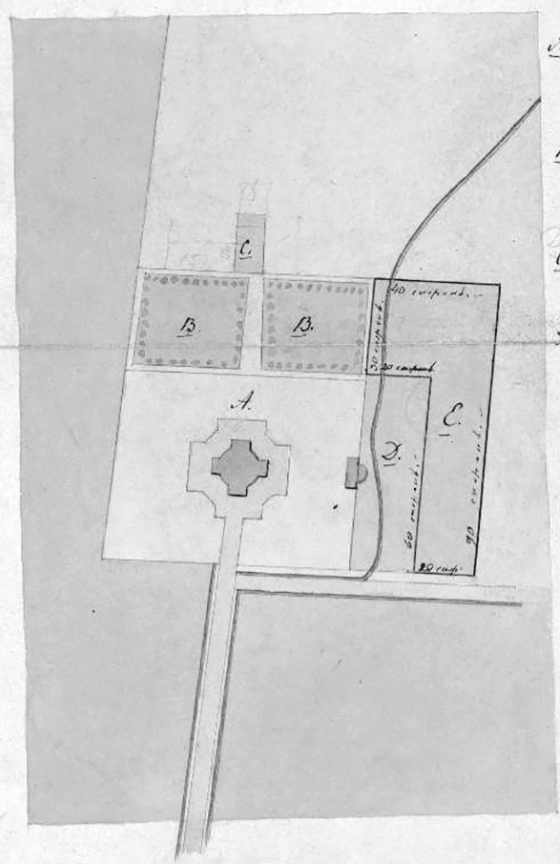
²⁹ Собственный Его Императорского Величества конвой — формирование русской гвардии, осуществлявшее охрану царской особы. Основным ядром конвоя были казаки Терского и Кубанского казачьих войск. В конвое также служили черкесы, ногайцы, ставропольские туркмены, другие горцы-мусульмане Кавказа, азербайджанцы (команда мусульман, с 1857 г. четвертый взвод лейб-гвардии Кавказского эскадрона), грузины, крымские татары, другие народности Российской империи [28].

³⁰ Ахун (татар.) — старший мулла, духовное лицо у мусульман [29].

³¹ В настоящее время на территории первых участков воинских захоронений преобладают гражданские погребения периода 1930–1950-х годов, когда из-за недостатка свободного места на старых участках производились новые захоронения. В границах исторических военных участков встречаются также могилы более позднего времени и единичные захоронения 1910–1920-х годов.

³² Рядовые «пограничные» посадки деревьев вдоль этого рва отчетливо видны на топографических планах кладбища 1932–1934 и 1946.

План участка земли, в г. Царском Селе, в 3-й части.

- А Место каменного кладбища, Троицкой Церкви.
- Б Место кладбища Кафедральной и Александро-Невской Церкви.
- В Место кладбища Монашеской общины.
- Г Место, отведенное в 1847 году, под кладбище Царскосельской Военной Гимназии.
- Е Место, занимающее 2400 кв. сажень, на значительную часть под кладбище Военной Гимназии.

1854 года.
 К. С. Никитин
 3-й Мар 1854 года.

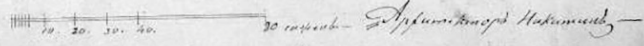
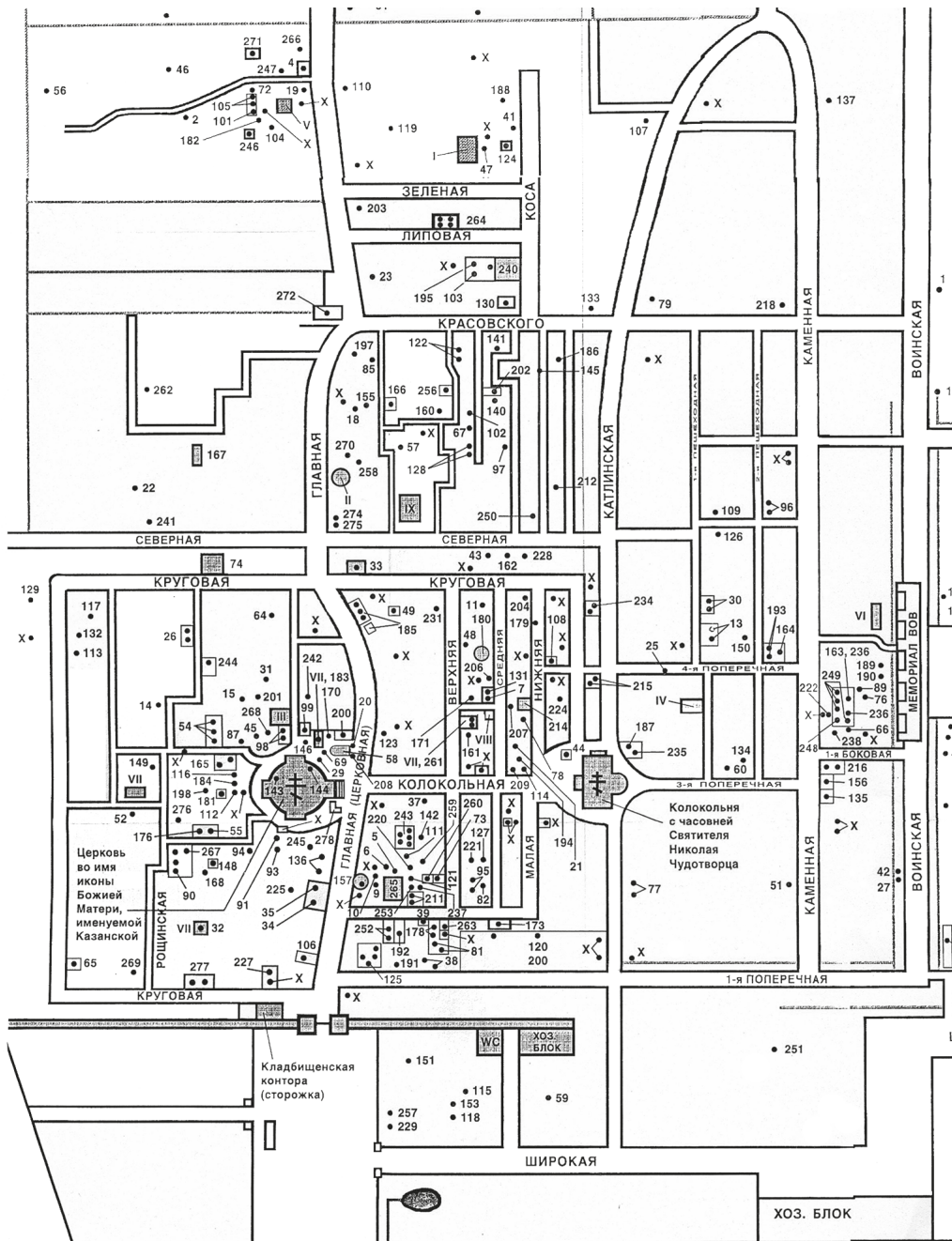

Рис. 7. План участка земли в г. Царском Селе, в 3-й части. Архитектор Н. С. Никитин. 1854 г. [XIV, л. 28a]

Рис. 8. План участка земли в г. Царском Селе, в 3-й части. Архитектор Н. С. Никитин. 1855 г. [XIV, л. 32а]

ЦАРСКОСЕЛЬСКОЕ КАЗАНСКОЕ КЛАДБИЩЕ.

Рис. 9. Царское Казанское кладбище. План-карта. Составитель В. А. Панов. 2000-е годы [30]

военное кладбище³³. Территория последнего была разделена более узкими, чем «пограничные», дорожками на разновеликие прямоугольные площадки. Предположительно, таким образом на кладбище, официально отведенном военному госпиталю, были обособлены участки отдельных воинских частей: соответственно их количеству в составе Царскосельского гарнизона в середине XIX в. и соразмерно численности их воинских контингентов³⁴. С формированием постоянного гарнизона все большая роль в уходе за местами захоронения и в самом ритуале погребения стала отводиться тем воинским частям, к которым принадлежали усопшие нижние воинские чины. Оставшуюся часть участков, видимо, занимали захоронения, произведенные непосредственно от Царскосельского военного госпиталя.

Отметим, что о факте существования на территории исторического Казанского кладбища участков нижнего (первого) слоя воинских погребений XIX в, как неорганизованных, так и организованных, нет упоминаний ни в одной из публикаций, посвященных истории царскосельских кладбищ³⁵. Время возникновения и локализация первых участков захоронений нижних чинов Военного ведомства на Казанском кладбище установлены авторами настоящей статьи.

Во второй половине XIX — начале XX в. территория православного Казанского кладбища изрядно расширилась в западном и южном направлениях относительно православного военного участка: в 1868³⁶, 1901, 1914 гг. к нему были присоединены

---

³³ В архивном источнике 1863 г. на софийском выгоне, наряду с «кладбищем русским и немецким» площадью 4 десятины 169 кв. саженей, упоминается о самостоятельном «кладбище для нижних воинских чинов» площадью 1 десятина 1200 кв. саженей [IX, л. 9]. Статус военного кладбища, таким образом, был официально закреплён.

³⁴ «К концу царствования Николая I в состав Царскосельского гарнизона входили следующие части: лейб-гвардии Кирасирский Его Величества полк; лейб-гвардии Гусарский полк; Образцовые конная и пешая артиллерийские батареи; Образцовый пехотный полк; Учебный саперный батальон; Команда Кавказского линейного войска собственного Его Величества конвоя; Гвардейские инвалидные роты; военный госпиталь; жандармская команда; военно-рабочие роты» [13, с. 10].

³⁵ В НИР ЛенНИИТАГа 1991 г., в разделе, посвященном Казанскому кладбищу, есть фраза о Каменной дорожке, которая проходит «параллельно рву, отделяющему воинские захоронения» [IV, с. 259–60]. Однако из дальнейшего текста следует, что первые военные захоронения XIX в., по мнению авторов НИР, располагались не к востоку (как свидетельствуют обнаруженные нами архивные документы), а к западу относительно рва, где «на месте, назначенном в прошлом веке для военного госпиталя, располагается современное военное кладбище. Здесь находятся братские могилы воинов, павших в годы Великой Отечественной войны, а также многочисленные захоронения офицеров и солдат различных воинских частей и военно-учебных заведений, находящихся в настоящее время в г. Пушкине. <...> Это наиболее благоустроенный и ухоженный участок современного пушкинского кладбища, на котором, однако, полностью утрачены все захоронения довоенного времени» [IV, с. 267]. В приведенном тексте речь идет о захоронениях советского периода по сторонам Воинской дорожки, которые, несомненно, являются значимой составной частью исторического Царскосельского военного некрополя и требуют бережного отношения и изучения, но не являются старейшими участками «организованных» военных погребений в Царском Селе. Здесь же для полноты картины можно отметить важные компоненты такого явления, как Царскосельский военный некрополь, не рассмотренные в настоящей публикации: индивидуальные захоронения представителей офицерского корпуса и высшего руководства Царскосельского гарнизона, военных инженеров, врачей, духовенства, погребенных на семейных участках Казанского кладбища [IV, с. 255–68; 18; 30; 31], а также места братских захоронений пленных кронштадтских моряков, массовые расстрелы которых после подавления Кронштадтского мятежа 1921 г. проводились вблизи Казанского кладбища [31, с. 69–85].

³⁶ В границах отвода, присоединенного к западной границе военного кладбища в 1868 г., в период Великой Отечественной войны были произведены братские захоронения советских во-

новые землеотводы, состоявшие из городских выгонных земель, которые предназначались для гражданских захоронений. Тогда же были укрупнены участки лютеранского и еврейского кладбищ. На планах этого периода, как правило, отмечалась только конфессиональная принадлежность захоронений, военный участок на них обозначался как православное кладбище.

Формирование Царскосельского военного некрополя продолжилось и вступило в активную фазу в 1887 г. Именно тогда в Царском Селе было официально создано, видимо, одно из первых в России гарнизонных кладбищ, возникновение которого связано с деятельностью Комиссии по устройству военных кладбищ и упорядочению похорон умерших нижних чинов³⁷, образованной в соответствии с приказом главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа великого князя Владимира Александровича от 6 июня 1887 г. [32]. 21 сентября 1887 г. за восточным отрезком северной ограды Казанского кладбища Военному ведомству был безвозмездно выделен особый участок площадью 1872 кв. сажени «под устройство кладбища для нижних воинских чинов» [XV, л. 4] местного гарнизона. Его отвод произвел помощник архитектора дворцового правления А. Р. Бах [XV, л. 7, 8] (рис. 10). Участок с трех сторон был ограничен исторически обустроенными трассами: с западной стороны — городской дорогой к Казанскому кладбищу³⁸, с восточной стороны — проездом, за которым располагалась территория военного стрельбища, а с северной стороны — криволинейным проездом к стрельбищу, накатанным в 1840-х годах. Новое Царскосельское военное кладбище (по другим источникам — Царскосельское Казанское военное кладбище) [33, с. 1491–2] было обнесено канавой и небольшим валом, укрепленным рядовыми посадками деревьев, которые маркировали также прилегающие к нему дороги и проезды.

Осенью 1887 г. работы по обустройству Царскосельского военного кладбища были закончены. Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа великий князь Владимир Александрович в своем приказе по войскам гвардии и Петербургского военного округа за № 54 от 19 октября 1887 г. оценил его состояние следующим образом: «Посетив Царскосельское военное кладбище, Я убедился в примерном его благоустройстве. Каждая воинская часть местного гарнизона имеет в нем свой точно разграниченный участок; вокруг всего кладбища сооружена ограда, и в его районе проложены удобные пути, а где надо и посажены деревья. За выказанные в данном случае начальником Царскосельского гарнизона распорядительность по отчуждению земли и особую заботливость по самому устройству военного кладбища объявляю генералу от инфантерии Степа-

---

инов. В 1946–1950-е годы братские могилы «были оформлены... обелисками, многие из которых были сняты со старых дореволюционных захоронений» [31, с. 15], располагавшихся, предположительно, на полковых участках соседнего кладбища Царскосельского военного госпиталя, которые в этот период активно заполнялись новыми захоронениями. Сохранился только один такой обелиск (№ 42 на план-карте Панова, с восточной стороны Воинской дорожки). Остальные утрачены после создания на месте братских могил мемориала «Братская могила советских воинов, погибших в Великую Отечественную войну» (1994, скульптор В. Г. Стамов, арх. О. Б. Голынкин).

³⁷ Результатом деятельности комиссии стало появление в конце 1880-х — начале 1890-х годов официальных военных кладбищ в целом ряде городов России.

³⁸ Дорога, ведущая от Сапёрной улицы города Пушкина к главному входу на Казанское кладбище, до настоящего времени не имеет собственного названия. Наиболее подходящее — Казанская дорога.

План смежной с Казанским кладбищем участка земли, отводимого для военного кладбища.

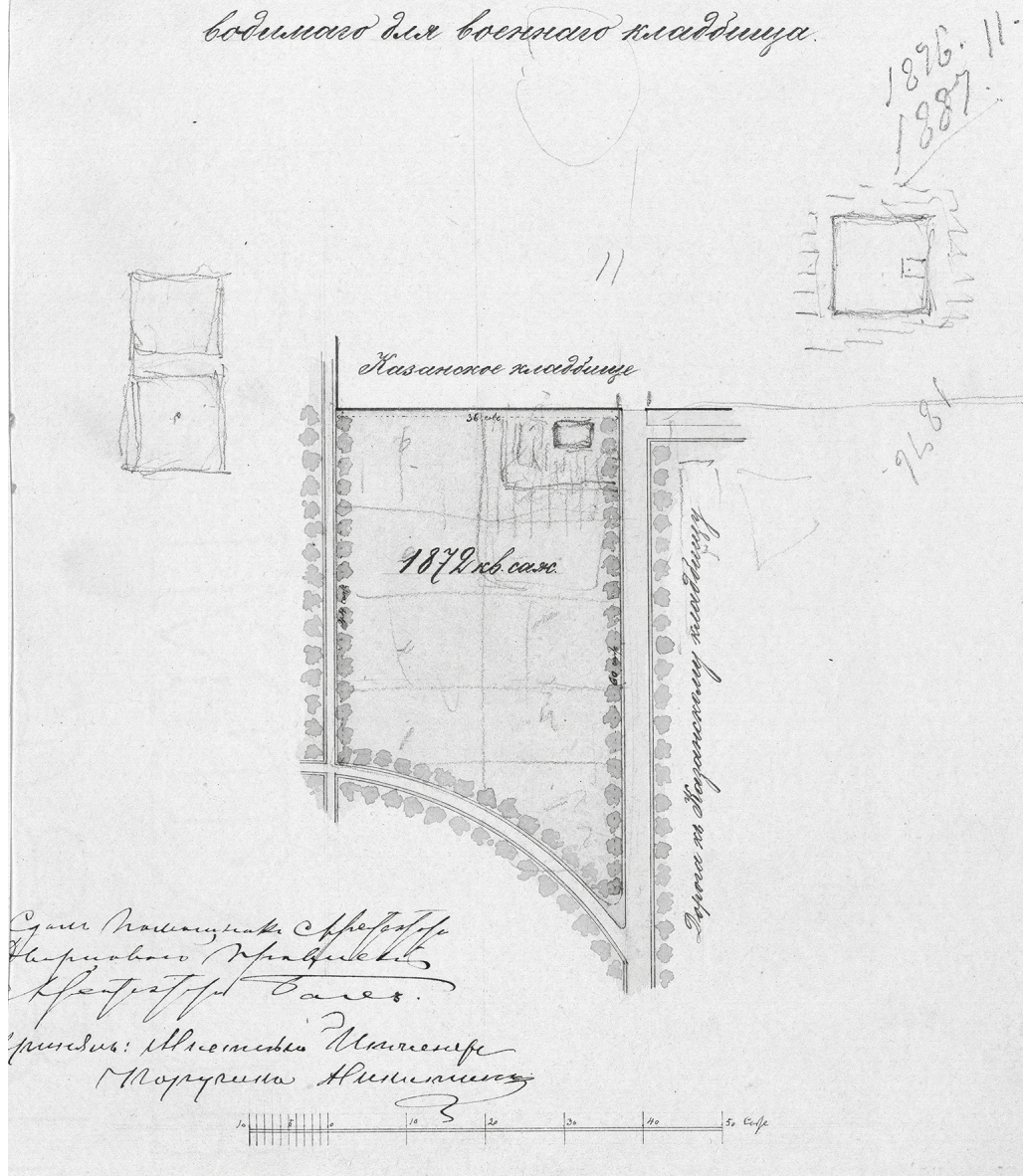

Рис. 10. План смежной с Казанским кладбищем участка земли, отводимого для военного кладбища. Архитектор А. Р. Бах. 1887 г. [XV, л. 8]

нову Мою душевную признательность» [34]. Бывший комендант Царского Села генерал от инфантерии П. А. Степанов (1805–1891), скончавшийся в 1891 г., был похоронен в Царском Селе на созданном его попечением кладбище. В память о нем в 1891–1892 гг. на средства Царкосельского военного гарнизона здесь построили каменную часовню [33, с. 1491–2]. Внутри «часовни был помещен небольшой образ Святой Троицы с ликами Святого Николая Чудотворца, преподобных Зосимы и Савватия Соловецких, Святого Павла Исповедника и мученика Иулиана Тарсийского, память которых праздновалась полками Царкосельского гарнизона» [13, с. 18]. От этой каменной часовни к дороге на Казанское кладбище вела широкая прямая дорожка с набивным покрытием. Ее продолжением служил равный по ширине криволинейный проезд к старому военному кладбищу. Практически напротив каменной часовни Царкосельского военного кладбища с западной стороны от дороги на Казанское кладбище располагалась деревянная «надкладезьяная» часовня во имя иконы Божией Матери «Живоносный источник»³⁹, с прямоугольным прудом. Проезд от нового военного кладбища к старому шел мимо пруда и часовни, огибал здание конторы попечительства Казанского кладбища и, повернув на юго-запад, вел к кладбищенской ограде. На плане местности начала 1900-х годов (проект дома церковного причта) его дальнейшая трассировка не обозначена [XVI, л. 85] (рис. 11).

Территория близ «надкладезьяной» часовни благоустраивалась в период 1900–1910-х годов. На плане 1908 г., исполненном военным инженером К. Д. Грибоедовым [XVII, л. 119], показаны возведенные к этому времени строения: контора попечительства Казанского кладбища, дом священника и церковного причта со службами и садом, здание кладбищенской богадельни с садом (рис. 12). По проекту Грибоедова, вдоль границы земельных участков церковного причта и богадельни в 1908 г. была проложена дорога, получившая название «полевой», или «деревенской», которая шла через поля в направлении деревни Большое Катлино [III, с. 40, 41]. Помимо запроектированной «полевой» дороги, на плане показан уже полностью трассированный и благоустроенный проезд (с двух его сторон предусмотрены дренажные канавы), соединявший старое и новое военные кладбища и заканчивавшийся у ворот, которые были устроены в кладбищенской ограде по оси Каменной дорожки Казанского кладбища⁴⁰.

Появление в конце XIX в. в нашей стране специально отведенных и особым образом обустроенных военных кладбищ инициировало разработку регламента процедуры погребения нижних воинских чинов⁴¹. Регламент был оформлен в виде специальных «Правил погребения нижних чинов», зафиксированных в «Уставе внутренней службы», высочайше утвержденном 12 июня 1909 г. В 1910 г. достаточно представительный перечень «Правил...» был включен в «Полное собрание законов Российской империи» в качестве приложения к переработанному «Уставу

³⁹ Часовня во имя иконы Божией Матери «Живоносный источник», приписанная к церкви иконы Казанской Божией Матери [XVI, л. 85], была возведена архитектором Н. С. Никитиным в 1875 г. над колодцем, вода которого считалась целебной [33, с. 1491–2].

⁴⁰ Этот дополнительный вход на территорию кладбища зафиксирован на топографическом плане 1932–1934 гг. [XVIII; XIX].

⁴¹ На кладбищах для нижних воинских чинов разрешалось также безвозмездное погребение офицеров [35].

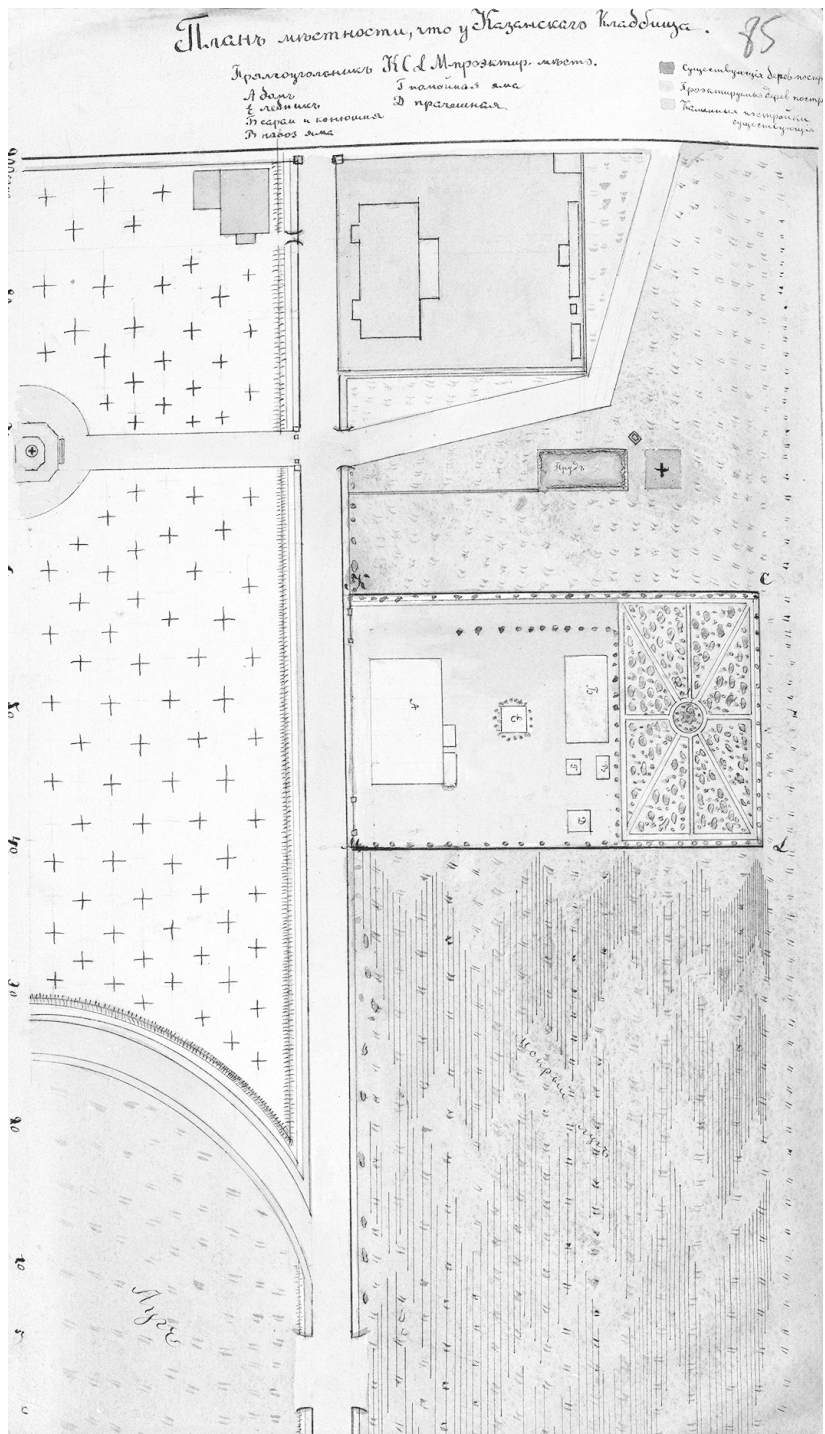

Рис. 11. План местности, что у Казанскаго кладбища. Проект дома для причта Казанской кладбищенской церкви. Начало 1900-х годов [XVI, л. 85]

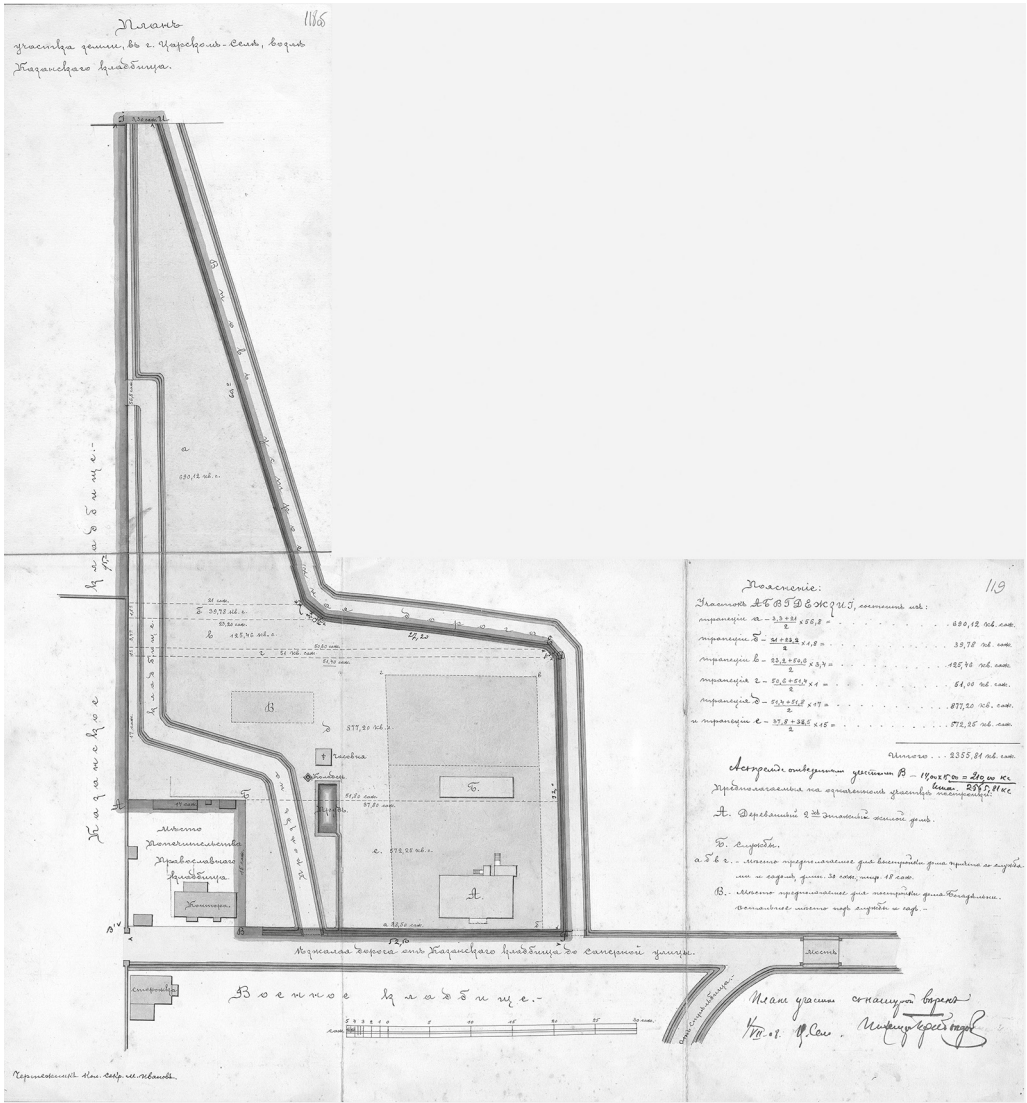

Рис. 12. План участка земли, в г. Царском Селе, возле Казанского кладбища. Проект устройства «полевой» дороги. Военный инженер К. Д. Грибоедов. 1908 г. [XVII, л. 119]

внутренней службы»⁴². В соответствии с «Правилами...», упорядочившими процедуру погребения военнослужащих, командующие армейскими единицами Царскосельского гарнизона в начале XX в. руководили похоронами нижних военных чинов, проходивших воинскую службу во вверенных им частях и подразделениях. Надо признать, что начальники Царскосельского гарнизона уделяли значительное внимание этой весьма специфической, но всегда актуальной проблематике. В этом смысле не случайным выглядит обращение 12 июля 1913 г. начальника Царскосельского гарнизона генерал-лейтенанта Н. В. Осипова в Дворцовое управление с просьбой расширить территорию ставшего «тесным» Царскосельского Казанского военного кладбища [XX, л. 2]. Руководство городской ратуши, изучив местность в непосредственной близости от Казанского и Царскосельского Казанского военного кладбищ, в рапорте на имя начальника Дворцового управления от 26 июня 1914 г. предложило «под Военное кладбище... отвести безвозмездно участок земли, расположенный по правую сторону от дороги на Казанское кладбище» [XX, л. 7], севернее «полевой» («деревенской») дороги.

В 1914 г., 19 июля (1 августа), Россия вступила в Первую мировую войну. С началом войны Царское Село — официальная императорская резиденция — превратилось в огромный госпиталь. В городе было создано 60 лазаретов, в том числе Дворцовый, переименованный позднее в Собственный Ея Величества лазарет, где работали в качестве хирургических сестер императрица Александра Феодоровна и великие княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна. <...> Все царскосельские лазареты были объединены в Особый эвакуационный пункт, которым управлял полковник С. Н. Вильчковский» [3, с. 9]. «С первых дней открытия лазаретов района Ея Величество... была озабочена мыслью о достойном устройстве братского кладбища — места последнего упокоения тех защитников нашей родины, которым Бог судил закончить свои дни в стенах лазаретов» [37, с. 5]. Однако к осени 1914 г. вопрос устройства нового гарнизонного кладбища в Царском Селе и особого кладбища для упокоения воинов, умиравших в лазаретах города (будущего Царскосельского Братского кладбища), еще не был решен. Осмотрев 8 сентября 1914 г. земельный участок специального назначения, предложенный ранее к освоению городской ратушей и Дворцовым управлением, генерал-лейтенант Осипов от

---

⁴² Ряд пунктов «Правил погребения нижних чинов» касался порядка обустройства военных кладбищ.

«10. В каждом пункте квартирования войск устраивается особое общее военное кладбище, с разделением на участки по числу частей.

В случае погребения нижних чинов на местных общих кладбищах, каждой отдельной части отводится особый участок.

11. На попечение части возлагается забота о постоянном благоустройстве своего участка, о поддержании в должном виде могил и постановке для каждого умершего креста с надписью названия части, № роты (эскадрона, сотни, батареи) или названия команды, где служил покойный, его звания, имени, фамилии и времени смерти.

12. В канцелярии части надлежит иметь план своего кладбищенского участка с обозначением № могил и книгу об умерших.

13. Частям и отдельным лицам предоставляется украшать могилы нижних чинов и, вообще, свой участок по их усмотрению, с тем, однако, чтобы во всем этом не было отступлений от общих законов и порядка, введенного на кладбище.

14. В случае желания родственников, разрешается похоронить умершего нижнего чина на другом кладбище, но при этом расходы части не должны превышать тех, которые допускаются при погребении на отведенном для этого участке» [36, с. 197–8].

него решительно отказался⁴³ [XX, л. 16]: территория оказалась частично заболочена и невелика. Гарнизонное же руководство просило «увеличить сколько возможно» [XX, л. 3 об.] участок под воинские захоронения ввиду предстоящего перевода в Царское Село новых частей: л.-гв. 3-го Стрелкового Его Величества полка, л.-гв. Стрелкового Артиллерийского дивизиона, 1-го Железнодорожного полка и др.

В результате начальник Царкосельского гарнизона сам выбрал участок, находившийся западнее комплекса строений причта и богадельни и примыкавший к дороге на Большое Катлино. О передаче городскими властями выбранной Осиповым обширной территории в Военное ведомство был составлен соответствующий акт [XX, л. 14]. План местности с нанесенными на него границами землеотвода нового кладбища Царкосельского гарнизона (нового Гарнизонного кладбища), датированный 26 сентября 1914 г., исполнил архитектор Царкосельского дворцового управления гражданский инженер В.Я.Лангваген [XX, л. 15] (рис. 13). Площадь нового Гарнизонного кладбища составила «девятнадцать тысяч, пять и тридцать шесть сотых квадратных сажени или семь десятин две тысячи двести пять и тридцать шесть сотых квадратных сажени» [XX, л. 14]. От землеотводов Казанского кладбища и комплекса построек церковного причта новое Гарнизонное кладбище было отделено «полевой дорогой»⁴⁴.

Лангваген 6 ноября 1914 г. писал в рапорте на имя начальника Царкосельского дворцового управления князя М.С.Путятина: «Имею честь донести, что согласно резолюции Вашего Сиятельства, положенной на рапорте Царкосельского Коменданта от 10-го минувшего Сентября мною во 1)-х отведен участок земли под новое военное кладбище из части городского выгона, прилегающего к Казанскому кладбищу, и во 2)-х на небольшом участке (около 550 кв. саж.) отведенной земли устроено военное кладбище для погребения воинов, умирающих в лазаретах местного района» [XX, л. 19]. Территория нового кладбища Царкосельского гарнизона была разделена на полковые участки, в границах которых в период 1914–1917 гг. появились массовые захоронения⁴⁵.

Название «братское кладбище», закрепившееся вскоре за вторым из перечисленных Лангвагеном участков, впервые встречается в письме князя Путятина, направленном в городскую ратушу 17 декабря 1914 г. В этом письме четко сформулирована мемориальная идея, положенная в основу его создания: «Для увеличения

⁴³ Место под устройство нового военного кладбища, первоначально предложенное военному ведомству, совпадает с территорией, где, по планам XVIII в., протекал Ладогский ручей. На плане начала XX в. данное место обозначено как «мокрый луг».

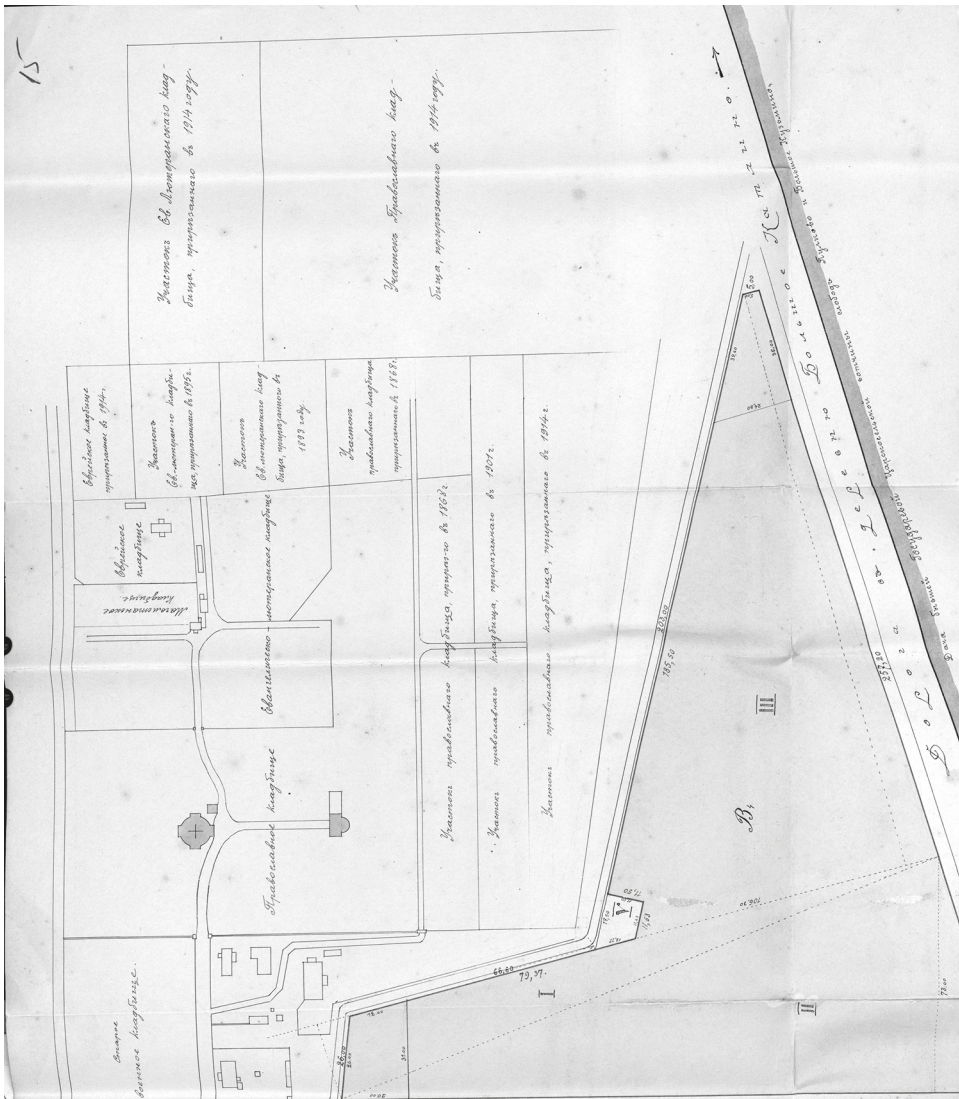
⁴⁴ На плане гражданского инженера Лангвагена помимо участка нового Гарнизонного кладбища отмечено основанное в 1887 г. «старое военное кладбище». Участок воинских захоронений на Казанском кладбище, отведенный Военному ведомству в 1847–1854 гг., значится как «православное кладбище». Территория, выделенная в 1855 г. для погребения военных мусульманского вероисповедания, расположена, согласно плану, в границах «евангелическо-лютеранского кладбища». Старейшие участки магометанского и еврейского кладбищ, по Лангвагену, расширены в сторону восточной границы Казанского некрополя.

⁴⁵ Уроженец Царского Села краевед А.М.Ионов составил по памяти план-схему расположения в период до 1917 г. Казанского и прилегающих к нему военных кладбищ, которая подтверждает, что на новом гарнизонном кладбище успели появиться первые крупные участки захоронений, обозначенные составителем плана как «полковое кладбище» (особо им был выделен «участок кладбища 4-го стрелкового полка»). План-схема Иопова хранится в фондах Историко-литературного музея г. Пушкина [31, с. 9].

План

Исключено из ведения в 2. Царского села в поделенной части городского округа, предполагавшейся в отводу под новое военное кладбище, на плане застроенной и показанной под литерой В. Я. Лангватен. 26 сентября 1914 г.

Литера	Площадь	Всего
I	3074,80 кв. саж.	
II	194,00 кв. саж.	7081,00
III	385,50 кв. саж.	10017,00
IV	1972,30 кв. саж.	
V	187,44 кв. саж.	
VI	19005,36 кв. саж.	
Итого	22051,36 кв. саж.	

В. Я. Лангватен
26 сент. 1914 г.

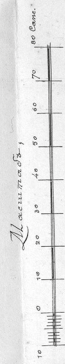

Рис. 13. План Казанского кладбища в городе Царском Селе с показанием части городского выгона, предполагаемой к отводу под новое военное кладбище, на плане застроенной и показанной под литерой В. Я. Лангватен. 26 сентября 1914 г. [XX, л. 15]

территории военного кладбища вообще и в частности для погребения умирающих в лазаретах Царскосельского района раненых воинов, эвакуируемых сюда с театра военных действий, в сентябре месяце текущего года отведен городом, по требованию начальника Царскосельского Гарнизона, дополнительный выгонный земельный участок, расположенный по правой стороне дороги, ведущей к православному Казанскому кладбищу. При этом, согласно распоряжению Г. Начальника Гарнизона, место из общей площади вновь прирезанной земли, долженствующее служить для погребения воинов — жертв происходящей войны, выделено в виде участка площадью около 550 кв. саж. в особое так называемое братское кладбище⁴⁶ как памятник погребенным в нем героям долга перед царем и родиной и в воспоминание на будущие времена нынешней отечественной войны (выделено нами. — Е. В., М. М.)» [XX, л. 33].

Трассировка «полевой» дороги и протяженность трех ее начальных отрезков определили местоположение и габариты участка Царскосельского Братского кладбища — именно такое официальное название этот военно-мемориальный объект спецназначения получил в начале 1915 г.⁴⁷ Царскосельское Братское кладбище создавалось в период с конца сентября по середину октября 1914 г. под руководством гражданского инженера Лангвагена, которому «представилось необходимым» участок «спланировать, устроить на нем канавы для осушения места... ввиду соседства с городским пастбищем, оградить хотя простым дощатым забором; равным образом, для проезда к братскому кладбищу — имеющийся здесь небольшой ветхий мост заменить новым» [XX, л. 33]. 30 сентября 1914 г. датирован самый первый счет подрядчика М. А. Шалыгина за выполненную им на участке «братского кладбища» «нивелировку и разбивку местности» [XX, л. 21]. Подрядчики М. А. и С. М. Шалыгины взяли на себя и производство земляных работ. Плотничные работы по изготовлению временной деревянной ограды и бревенчатого моста исполнил подрядчик И. Ф. Чуйков. Временная деревянная ограда с воротами⁴⁸ (забор длиной 93 пог. саж.) [XX, л. 22] была установлена им в начале октября 1914 г. Именно эта ограда с завершениями в форме Георгиевских крестов зафиксирована на одной из фотографий Царскосельского Братского кладбища (рис. 14). Для изготовления ограды, окрашенной по готовности зеленой масляной краской [XX, л. 22], была использована древесина хвойных пород (сосна и ель). К 10 октября 1914 г. «у поставленной ограды вырыта канава и сделан земляной вал» протяженностью в 91 пог. саж. [XX, л. 28]. К 15 октября того же года на объекте спецназначения полностью завершены все плотничные работы, включая ремонт моста на подъездной дороге к кладбищу [XX, л. 22]. Благоустройство Братского кладбища и ремонт моста осуществлены «за счет городских средств» [XX, л. 33 об.], что обошлось городской ратуше в 823 р. 25 коп. (из них обустройство кладбища стоило 772 р. 65 коп.) [XX, л. 34].

По времени создания оно стало первым в России официальным кладбищем Великой войны. Приблизительно в то же время на Царскосельском Братском клад-

⁴⁶ В более поздних архивных документах название «Братское кладбище» дается, как правило, с заглавной буквы [XXI, л. 39].

⁴⁷ Первое время его называли Кладбищем героев, или Уголком героев [3, с. 8].

⁴⁸ Главный вход на территорию мемориального Царскосельского Братского кладбища был привязан к трассе «полевой» дороги.

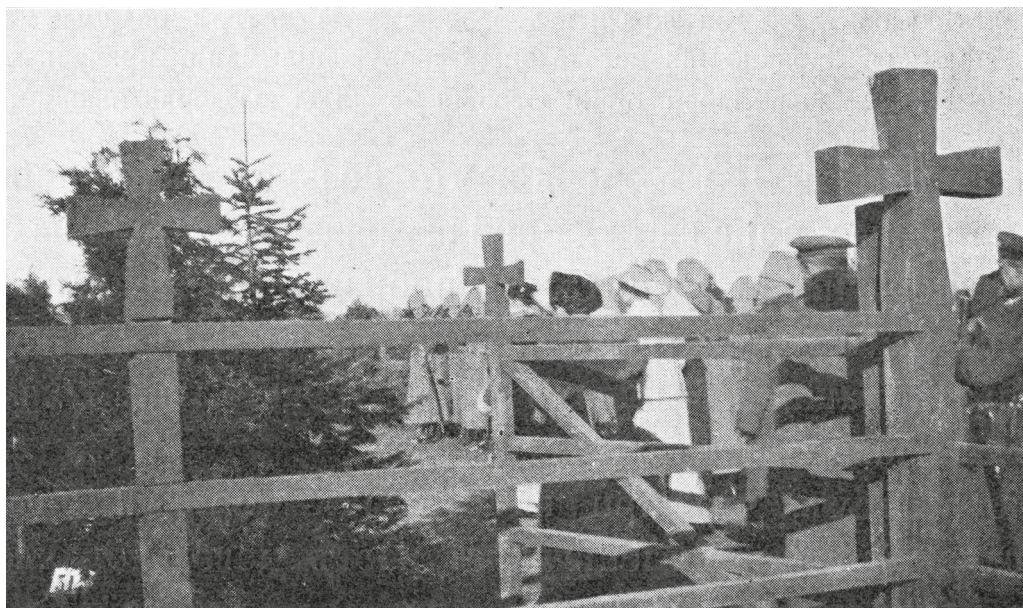

Рис. 14. Деревянная ограда Царскосельского Братского кладбища с завершениями в форме Георгиевских крестов. Фото 4 октября 1915 г. [37, с. 11]

бище появились первые захоронения военного периода⁴⁹. В октябре 1914 г. сюда перенесли тела пяти нижних чинов с Гарнизонного кладбища, на котором они были временно преданы земле вплоть до устройства Братского кладбища [37, с. 5].

Инициатива создания Царскосельского Братского кладбища, как свидетельствуют результаты анализа периодических изданий времен Первой мировой войны, принадлежала императрице Александре Федоровне: «По воле Ея Величества близ городского Казанского кладбища был отведен участок земли, на котором, увы, чрезвычайно быстро стали вырастать целые ряды зеленых холмиков, осененных крестами... По мере того как возрастало число погребений, увеличивалось и самое кладбище, которое, по указанию Ея Величества, с весны 1915 года стало устраиваться со строгой простотой. Обнесенное скромною временною изгородью с крестом на каждом столбе, обсаженное вечно зелеными елями вдоль рва, отделяющего его от дороги и поля, с единственными воротами, из которых устроена широкая дорога с рядами туй по сторонам, оно с первых дней войны стало принимать в свою ограду гробы с останками скромных серых героев» [37, с. 5–6]. «Зимой 1914–15 гг. у Ея Величества явилась трогательная мысль — впредь до того момента, когда удастся осуществить постройку достойного памяти героев каменного храма-

⁴⁹ Приведенные данные не противоречат сведениям, опубликованным в газете «Царскосельское Дело» № 48 от 28 ноября 1914 г., где сообщалось, что к концу ноября 1914 г. на новом кладбище было погребено уже 15 офицеров и около 10 нижних чинов [3, с. 8]. Кропотливую исследовательскую работу по сбору информации о воинах, погребенных на Царскосельском Братском кладбище, провел офицер Ю. И. Балабанов. Из составленного им списка видно, что преимущественно здесь были похоронены павшие в бою или умершие от ран воины лейб-гвардейских полков Царскосельского и С.-Петербургского гарнизонов. Ему удалось установить 71 фамилию из числа более чем 1000 воинов, похороненных здесь в период 1914–1917 гг. [31, с. 50–9].

памятника на кладбище, возвести временную небольшую церковку, возможно простую, деревенскую, русскую, дабы еще больше освятить это святое место. <...> 3 июля 1915 года Ея Величество всемилостивейше соизволила утвердить составленный гражданским инженером С. Ю. Сидорчуком в стиле древнерусского деревянного зодчества проект временной церкви в честь иконы Богоматери “Утоли Моя Печали”. Сейчас же началась постройка, причем материал был пожалован Их Величествами из числа деревьев, поваленных в императорских парках во время урагана 1912 года. 18 августа 1915 года состоялась закладка храма» [37, с. 6]. Строительство церкви в стиле северного русского зодчества XVII в. было осуществлено очень быстро и заняло всего 48 дней. Уже 29 августа 1915 г. на законченный сруб были установлены кресты. Освящена церковь в честь иконы Богоматери «Утоли Моя Печали» 4 октября 1915 г. в присутствии императрицы, великих княжон, ряда высочайших особ, приближенных лиц государевой свиты, представителей городских властей, высших чинов царскосельского эвакуационного пункта и «около 200 человек из команды выздоравливающих» [3, с. 14] (рис. 15).

Небольшая деревянная церковь, предназначавшаяся для отпевания умерших и споро возведенная на Братском кладбище в силу организационных и иных ограничений военной поры, рассматривалась ее создателями как временное сооружение, которое в недалеком будущем предназначалось к разборке и переносу на дачу императрицы Светёлка в город Лугу [38, с. 203–4]. На Братском же кладбище предполагалось воздвигнуть величественный каменный храм-памятник, достойный этого священного места⁵⁰. По информации, опубликованной в сентябрьском номере «Вестника Царскосельского района» за 1916 г., в августе того же года «особая комиссия членов городской управы..., а также известных архитекторов посетила городское братское кладбище» [40, с. 119]. Членам комиссии городским головою П. И. Леяновым было дано поручение выбрать здесь подходящее место для строительства каменного «храма-памятника в память героев, погибших в настоящую войну» [40, с. 119].

По воспоминаниям очевидца-царскосела, к концу 1916 — началу 1917 г. участок Царскосельского Братского кладбища оказался полностью занят захоронениями [31, с. 44]. Таким образом, места для нового масштабного капитального строительства в границах землеотвода уже не оставалось. Именно поэтому и понадобилось создание «особой комиссии», которая с учетом сложившейся ситуации должна была решить сложную градостроительную задачу: обосновать выбор места для размещения нового храма рядом с Царскосельским Братским кладбищем на обширном

---

⁵⁰ В начале 1916 г. Императорским обществом архитекторов-художников по поручению Главного совета Всероссийского общества памяти воинов Русской армии, павших в войну 1914–1916 гг. с Германией, Австрией и Турцией, был проведен конкурс на «проект церкви-памятника на братском кладбище». Устроители конкурса не имели в виду некое конкретное братское кладбище, храмы предполагалось обустроить в тех местах, где велись боевые действия и находились братские захоронения периода Первой мировой войны. Представленные на конкурс проектные материалы могли послужить, в частности, основой для создания проекта храма-памятника на территории Царскосельского военного некрополя. В первую очередь речь идет о проекте церкви-памятника на братском кладбище, одобренном императором и получившем первую премию (1916, худ.-арх. С. Н. Антонов). Материалы конкурса хранятся в Государственном мемориальном музее А. В. Суворова в Санкт-Петербурге. Проекты-победители конкурса были опубликованы в «Архитектурно-художественном еженедельнике» Императорского общества архитекторов-художников [39, с. 312–3]. На обложке еженедельника был помещен конкурсный проект, исполненный Антоновым.

Рис. 15. День освящения временной деревянной церкви
«Утоли Моя Печали» (архитектор С. Ю. Сидорчук)
на Царкосельском Братском кладбище.
Фото 4 октября 1915 г. [37, с. 7]

участке, отведенном под кладбище Царкосельского гарнизона, либо на смежном с ним хозяйственно не освоенном участке бывшего софийского городского выгона. Помимо храма-памятника, как упомянуто в той же публикации «Вестника Царкосельского района», в состав военно-мемориального комплекса должны были войти «кладбищенская контора, здание для хранения венков и других реликвий, дом для остановок семей погибших воинов и хозяйственные постройки для причта» [40, с. 119], выдержанные с храмом «в одном стиле» [40, с. 119] — неорусском, который в предвоенный и военный периоды согласно архитектурно-художественным предпочтениям императорской семьи стал преобладать в культовом, общественном, казарменном и «триумфальном» строительстве Царского Села [III, с. 34].

Завершение формирования на территории бывшего софийского городского выгона Царкосельского военного некрополя полагалось одним из важнейших, имперски инициированных архитектурно-градостроительных начинаний 1910-х

годов в Царском Селе, реализованных далеко не в полном объеме⁵¹. Воплощению грандиозного военно-мемориального сценария, кульминацией которого должно было стать возведение храмового комплекса, помешали организационные, социальные, временные и финансовые издержки военных лет, революционные потрясения 1917–1918 гг. Сооружение храма-памятника, не состоявшееся в предреволюционные годы, бесспорно, способствовало бы решению поставленной государем императором задачи объединения в целостную, аутентичную историко-культурному контексту архитектурно-планировочную форму, обозначенную нами как Царскосельский военный некрополь, всего обширного пространства исторических воинских захоронений: кладбища Царскосельского военного госпиталя середины XIX в., нового Царскосельского военного кладбища, основанного в 1887 г., нового кладбища Царскосельского гарнизона, образованного в сентябре 1914 г. и, наконец, уникального кладбища-памятника воинам Первой мировой войны — Царскосельского Братского кладбища, которое было выделено из состава нового Гарнизонного кладбища в сентябре 1914 г., обустроено и открыто в середине октября того же года. Местоположение и планировочные габариты Царскосельского военного некрополя нашли отражение на ряде фиксационных и проектных планов 1916 г., исполненных в связи с намеченными Военным ведомством на участке софийского городского выгона проектно-строительными работами [XXII, л. 52, 62, 88] (рис. 16).

Вместе с казарменными комплексами Софии, церковными зданиями, уже построенными или ожидавшими предметного воплощения в предвоенные и военные годы⁵², пространственно оформленный Царскосельский военный некрополь способствовал бы организации в южной части Царского Села специфической территориальной зоны комплексов и объектов военно-административного, культового, военно-исторического, хозяйственного и мемориального назначения, решенных в неорусском стиле. Такая зона мыслилась аналогичной ландшафтно-планировочной зоне неорусских ансамблей Фермского парка, созданной в начале XX в. в северной части Царского Села, на окраине Александровского парка [7, с. 51]. Недо-

---

⁵¹ «Царское Село, по замыслу Императора Николая II, должно было стать особым местом памяти о шедшей войне» [3, с. 4]. В качестве главных элементов мемориальной подсистемы социально-градостроительного каркаса поселения, призванных увековечить память воинов, сражавшихся на полях Первой мировой войны, были задуманы Ратная палата (1913–1917, гражд. инж. С. Ю. Сидорчук), выстроенная в северной части Царского Села в районе Фермского парка (в ней разместились Музей Великой войны и галерея портретов георгиевских кавалеров, находившихся в действующей армии); Царскосельское Братское кладбище с монументальным зданием каменного храма-памятника, который должен был предметно закрепить военно-историческую, образно-стилевую и мемориальную акцентуацию архитектурно-градостроительного процесса в южной части постоянной императорской резиденции (реализовано частично), а также неосуществленные комплексы и объекты: решенный в русском былинном характере курган Дивинец на Пулковских высотах (1915, идея художника и философа Н. К. Рериха) [41], Триумфальная арка (Белые ворота) (1916–1917, проект арх.-худ. В. Н. Максимова), пространственно маркировавшая, согласно проекту, въезд в Царское Село со стороны Петрограда [III, с. 44].

⁵² В Софийском предместье в 1910-х годах были возведены постройки в неорусском стиле: казарменный комплекс 3-го Стрелкового артиллерийского полка (1913–1914, арх. В. А. Покровский, при участии капитан-инженера Н. А. Шмидта, гражд. инж. И. И. Шаркова и А. А. Юнгера), полковые и кладбищенские церкви и часовни в неорусском стиле по проектам Е. О. Константиновича, С. Ю. Сидорчука, А. Г. Успенского, В. А. Покровского и др. Нереализованным остался проект казарменного комплекса лейб-гвардии Стрелкового артиллерийского дивизиона (1913–1916, гражд. инж. И. И. Шарков) с храмом в «неорусском стиле» [III, с. 34].

сформированность этой территориальной зоны послужила основанием к разрушению в советские и постсоветские годы культурного ландшафта южной окраины Царского Села в целом, историко-архитектурной среды Софийского предместья и, в конечном счете, самого Царкосельского военного некрополя.

В советский период Царкосельский военный некрополь был предан забвению и последовательно разрушался. Его планировка и благоустройство, как свидетельствуют материалы топо- и аэрофотосъемок, осуществленных в 1930-е годы, сохранились вплоть до Великой Отечественной войны [42]. Так, топографическим планом 1932–1934 гг. [XVIII; XIX] зафиксированы местоположение церкви иконы Божией Матери «Утоли Моя Печали» на Царкосельском Братском кладбище, расположение и полная сохранность застройки комплекса домов причта Казанской церкви, конторы попечительства и богадельни с пересекающим его территорию историческим проездом, объединившим два военных кладбища XIX в.⁵³ с новым Гарнизонным кладбищем, основанным в 1914 г. Участки военных кладбищ XIX в. и Царкосельского Братского кладбища маркированы рядовыми посадками деревьев вдоль внутренних сторон пограничных рвов (рис. 17).

Церковь на Царкосельском Братском кладбище была закрыта и разобрана в 1938 г. [38, с. 204]. На аэрофотосъемке местности, предпринятой в 1939 г., отчетливо просматриваются зеленые массивы старого и нового Царкосельских военных кладбищ, главная аллея Царкосельского Братского кладбища с опустевшей церковной площадкой и периметральной обсадкой елями его участка, особенности деления на полковые участки и система пешеходных дорожек Гарнизонного кладбища (рис. 18).

В годы фашистской оккупации (1941–1944) на Царкосельском Братском кладбище были вырублены ели. В 1950-х годах исчезли остатки деревянных надмогильных крестов воинов, павших в Первую мировую войну. В 1960-е годы «могильные холмики... вместе с растительным слоем бульдозерами были собраны в кучи и вывезены на газоны города» [31, с. 48]. Надо признать, что во второй половине XX в. участки военных кладбищ рассматривались властями как резерв для расширения городского Казанского кладбища. Поэтому значительная часть территории Царкосельского военного некрополя занята захоронениями советского и постсоветского времени, оставшаяся же представлена пустырями, хозяйственными территориями, гостевой автостоянкой. При этом, как свидетельствуют результаты геофизических изысканий, проведенных в 2007 г. сотрудниками Геологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета на территории Царкосельского Братского кладбища, под верхним насыпным слоем грунта на глубинах от 1,5 до 3,5 м наличествуют захоронения (предположительно, исторические захоронения воинов Первой мировой войны) [XXIII, с. 6–7]⁵⁴. Тем же исследованием было определено местоположение остатков фундамента временной церкви иконы Божией Матери «Утоли Моя Печали» [XXIII, с. 6–7].

⁵³ Вероятнее всего, проезд был продлен до границы нового Гарнизонного кладбища (до места расположения сторожки охранника) в связи с началом его функционирования в 1914 г. и, таким образом, кратчайшим путем соединил участки трех разновременных военных кладбищ Царского Села.

⁵⁴ Определить точное расположение границ отдельных захоронений по результатам исследования не представлялось возможным.

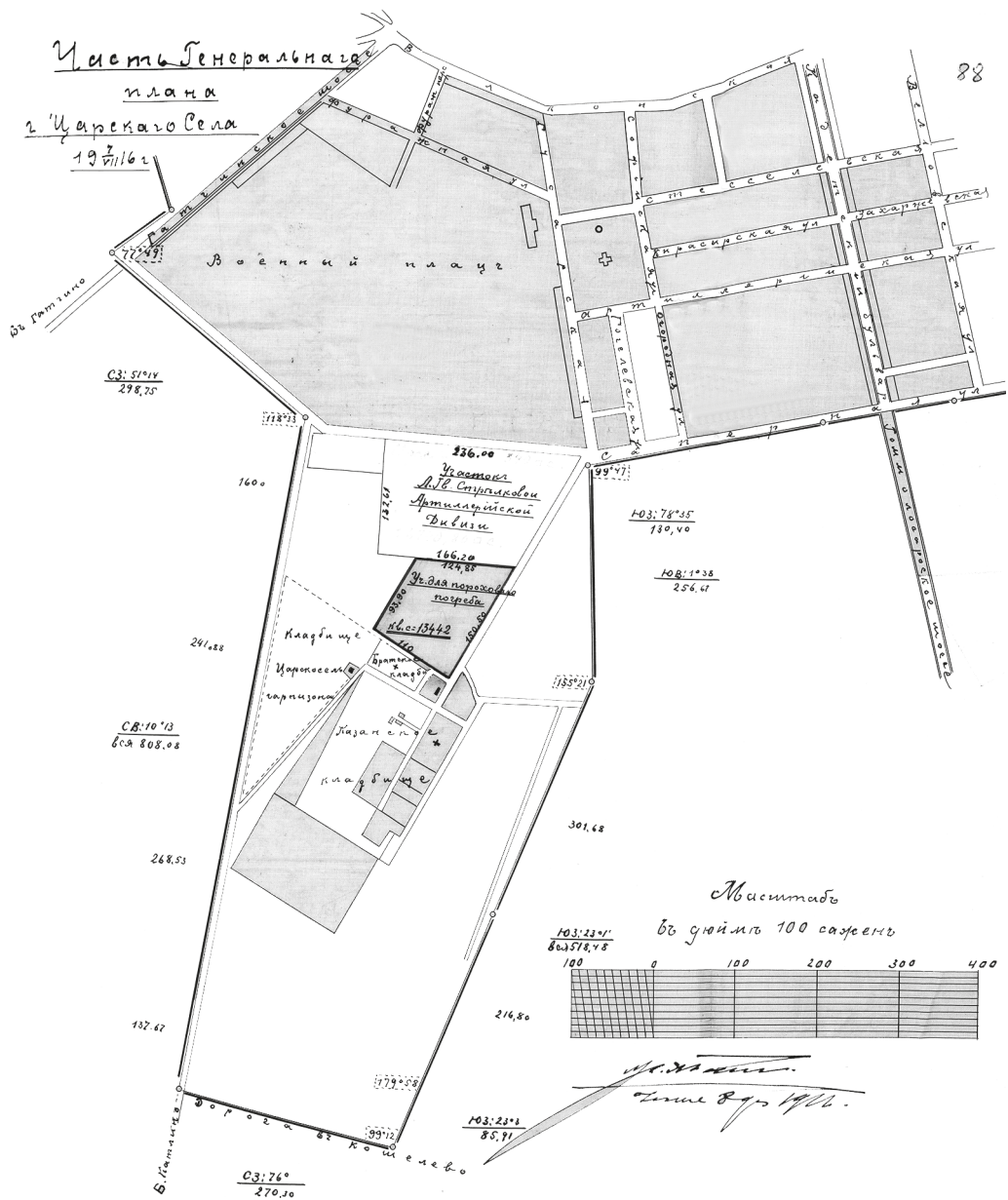

Рис. 16. Часть Генерального плана г. Царского Села. Архитектор А. Р. Бах. 7 июля 1916 г. На территории городских выгонных земель отмечены новые земельные участки, отведенные Военному ведомству [XXII, л. 88]

Рис. 17. Топографический план 1932–1934 гг. Фрагмент. Территория Казанского кладбища и Царскосельского военного некрополя [XVIII; XIX]

С 2000-х годов началось постепенное возрождение Царскосельского военного некрополя. В 2001 г. разработан проект восстановления⁵⁵ Царскосельского Братского кладбища героев Первой мировой войны, включавший благоустройство его исторической территории, воссоздание деревянной церкви иконы Божией Матери «Утоли моя печали» и строительство близ восточной границы кладбища мемориально-музейного комплекса (2001, арх. А. А. Кедринский). В 2006 г. Царскосельское Братское кладбище стало выявленным объектом культурного наследия. В 2008 г. у восточной границы Царскосельского Братского кладбища в честь ознаменования 300-летия Царского Села благоустроена площадь для проведения церемоний, а на ней установлена памятная гранитная стена, увенчанная крестом (ОАО «58 Центральный проектный институт»; руководитель авторского коллектива скульптор В. Н. Филиппов —

⁵⁵ Генеральный план проекта архитектора А. А. Кедринского [3, с. 33].

Рис. 18. Аэрофотосъемка. 1939 г. Фрагмент. Участки городского Казанского кладбища (включая кладбище Царскосельского военного госпиталя), а также Царскосельского Казанского военного, Царскосельского гарнизонного и Царскосельского Братского кладбищ [42]

консультант командующего войсками Ленинградского ВО, 2007). Освящение креста-памятника состоялось 11 ноября 2008 г. в день 90-летия со дня окончания Первой мировой войны [5]. В июле 2014 г., через 100 лет после начала Первой мировой войны, Царскосельское Братское кладбище обрело статус объекта культурного наследия регионального значения с названием «Царскосельское Братское кладбище российских воинов, погибших в Первой мировой войне 1914–1918 годов». Участки исторических военных захоронений, сформированные в середине XIX в., в 1887 и 1914 гг., составляющие в совокупности с Братским кладбищем Царскосельский военный некрополь, до сего дня не являются охраняемыми территориями.

К настоящему моменту Благотворительным фондом «Воинский собор» (руководитель фонда В. Н. Филиппов) разработан проект мемориального комплекса «Могила Неизвестного Солдата Первой мировой войны» с Вечным огнем на Царскосельском Братском кладбище (г. Пушкин). Одновременно формируются идеология и технология, а также разрабатываются предпроектные предложения по ревитали-

зации бывшего Софийского предместья Царского Села (южной окраины г. Пушкина). Не исключено, что возрождение Софии с учетом современных условий градостроительной деятельности и деятельности по актуализации колоссального потенциала архитектурно-градостроительного наследия в Санкт-Петербургской агломерации начнется именно с Царкосельского военного некрополя⁵⁶ — неотъемлемой компоненты культурно-исторического ландшафта Царского Села.

Литература

1. Большаков, Андрей. *Топология города Белгорода*. Иркутск: Изд-во ИРННТУ, 2017.
2. Крашенинников, Алексей. *Градостроительное развитие и городская среда*. Raleigh NC: Open Science Publishing, 2017.
3. Егоров, Алексей, и Илья Попов. *Царское Село: Память о Великой войне 1914–1918*. Царское Село: Береста, 2007.
4. Монастырская, Марина. “Градостроительные структуры’ как научно-практическая категория”. *Вестник гражданских инженеров*, no. 5/46 (2014): 14–23.
5. *Благотворительный Фонд «Воинский Собор»*. Дата обращения: июль 11, 2021. <https://voinsobor.ru>.
6. Бардовская, Лариса, и Дмитрий Швидковский. “Новое об архитектурных памятниках Царкосельской Софии”. В изд. РАН. Науч. совет по истории мировой культуры. *Памятники культуры. Новые открытия: письменность. Искусство. Археология: ежегодник*, ред. Дмитрий Лихачёв и др., 362–73. М.: Наука, 1997.
7. Горбатенко, Сергей, и Андрей Иванов. *Пушкинский район Санкт-Петербурга: муниципальный атлас. Исследование и оценка градостроительных структур и застройки в целях сохранения архитектурного наследия*. Предисл. и пояснения М. Каратуев, Т. Славина, при участии В. Лелиной. СПб.: Иван Фёдоров, 2002.
8. Микишатъев, Михаил. “София и Царское Село (трансформация концепции ‘идеального города’ в архитектуре русского классицизма и ампира)”. В изд. *Царское Село. На перекрестке времен и судеб: материалы XVI Царкосельской научной конференции: сб. науч. статей*, ред. Е. Красненкова и др., 86–99. 2 части. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2010, ч. 2.
9. Швидковский, Дмитрий. “Идеальный город русского классицизма”. В изд. *Дени Дидро и культура его эпохи*, сост. и отв. ред. Василий Кисунько, 162–214. М.: Изд. ВНИИИ искусствознания, 1986.
10. Швидковский, Дмитрий. “К вопросу о реконструкции ансамбля Царского Села Ч. Камероном”. *Архитектурное наследие*, no. 33 (1985): 62–8.
11. Швидковский, Дмитрий. *Чарльз Камерон при дворе Екатерины II*. М.: Изд. журнала “Наше наследие”, 2001.
12. Швидковский, Дмитрий. *Чарльз Камерон и архитектура императорских резиденций*. М.: Улей, 2008.
13. Егоров, М., Н. Роголин, Ю. Букин, и Д. Трошин. *Царкосельские полки*, общ. ред. Алексей Егоров. СПб.: Серебряный век, 2009.
14. Манзей, Константин, сост. *История Лейб-гвардии гусарского Его Величества полка. 1775–1857*. 4 части. СПб.: Военная тип., 1859, ч. 1.
15. Семенова, Галина. *Царское Село: знакомое и незнакомое*. М.; СПб.: Центрполиграф, 2009.
16. *Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г.* 45 томов. СПб.: тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830, т. 20: 1775–1780.
17. Луневский, Семен. *Исторический очерк Царского Села <...>*. СПб.: тип. т-ва «Народная польза», 1907.
18. Панов, Виктор. *Царкосельский некрополь. Первые кладбища Царского Села. Кузьминское кладбище*. СПб.: б. и., 2011.

---

⁵⁶ Невозможность определения точного взаиморасположения индивидуальных воинских захоронений геофизическими методами и частичная занятость участков исторических воинских кладбищ современными захоронениями не являются принципиальным препятствием для сохранения и возрождения Царкосельского военного некрополя в целом, чему убедительным примером служит Пискаревское мемориальное кладбище в Ленинграде — Санкт-Петербурге.

19. [Чернега, Александр]. “Рисунки Кваренги”. *Livejournal*. Дата обращения: август 24, 2021. <https://kraeveds-spb.livejournal.com/203586.html>.
20. Яковкин, Илья, сост. *Описание села Царского, или Спутник обозревающим оное, с планом и краткими историческими объяснениями*. Вступит ст. и коммент. Галина Семенова. СПб.: Коло, 2008.
21. Пушкарев, Иван. *Описание Санкт-Петербурга и уездных городов С. Петербургской губернии*. 4 части. СПб.: тип. С.-Петербургского губернского правления, 1841, ч. 3.
22. Семенов, Петр, и Василий Зверинский, сост. *Географическо-статистический словарь Российской Империи*. 5 томов. СПб.: тип. В. Безобразова и комп., 1885, т. 5.
23. *Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г.* 45 томов. СПб.: тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830, т. 30: 1808–1809.
24. “Система воинских званий в Российской Императорской Армии”. *Российская Империя*. Дата обращения: август 24, 2021. <https://www.rusempire.ru/arkhiv-statej/1881-sistema-voinskikh-zvanij-v-rossijskoj-imperatorskoj-armii.html>.
25. Смирницкий, Иоанн. “Церковь Казанской Божией Матери на царскосельском кладбище”. В изд. *Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии*, 350–8. 10 выпусков. СПб.: тип. Департамента Уделов, 1884, вып. 8.
26. Вильчковский, Сергей. *Царское Село*. Вступит. ст. А. Алексеев. 1911. Репринт, СПб.: Титул-СПб., 1992.
27. [Семенова, Галина]. “Софийский почтовый двор — Царскосельский военный госпиталь”. *Citywalls*. Дата обращения: август 24, 2021. <https://www.citywalls.ru/house18415.html>.
28. “Собственный Его Императорского Величества Конвой”. *Википедия*. Дата обращения: август 24, 2021. https://ru.wikipedia.org/wiki/Собственный_Его_Императорского_Величества_Конвой.
29. Чудинов, Александр. “Ахун”. *Академик*. Дата обращения: август 24, 2021. https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/2595/АХУН.
30. Панов, Виктор. *Царскосельский некрополь. Казанское кладбище*. СПб.: Царскосельская б-ка, 2005. (Царскосельский альманах).
31. Давыдова, Наталия, и Галина Груздева, ред. *Царскосельский некрополь*. СПб.: Серебряный век, 2014.
32. Хохлов, Илья. “Без имени, звания и следа”. *Новгородские ведомости*, январь 24, 2018.
33. “Царскосельское Казанское военное кладбище”. *Прибавление к церковным ведомостям*, по. 43 (1892): 1491–2.
34. “Приказ № 54-й октября 19 дня 1887 года”. В изд. *Приказы по войскам гвардии и Петербургского военного округа за 1887 г.* СПб.: б. и., 1887.
35. Медведев, Геннадий, Марина Овчинникова, и Александра Смирнова. “Московское Семеновское кладбище — некрополь воинской славы России”. Дата обращения: август 24, 2021. <https://archnadzor.livejournal.com/102985.html>.
36. *Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье*. 33 тома. СПб.: Гос. тип., 1913, т. 30: 1910, отд. II.
37. “Первое Братское кладбище на Руси”. *Вестник Царскосельского района*, по. 9 (1916): 5–11.
38. Мещанинов, Михаил. *Храмы Царского Села, Павловска и их ближайших окрестностей*. 2-е изд. СПб.: Genio Loci, 2007.
39. “На Братском кладбище”. *Вестник Царскосельского района*, по. 9 (1916): 119–20.
40. “Проект церкви-памятника на братском кладбище”. *Архитектурно-художественный еженедельник Императорского общества архитекторов-художников*, по. 30 (1916): 312–3.
41. Рерих, Николай. “Дивинец”. *Царскосельский район и особый эвакуационный пункт*, по. 6 (1915): 5–6.
42. “Немецкая аэрофотосъемка Ленинграда времен ВОВ”. *ЭтоМесто*. Дата обращения: июль 11, 2021. http://www.etomesto.ru/map-peterburg_aero-photo/.

Источники

- I. Васильева, Елена. “Царскосельское Братское кладбище: историческая справка”. В рукописи *Проект: Воссоздание Братского кладбища героев Первой мировой войны в Царском Селе*, 1–52. СПб.: Благотворительный Фонд по увековечиванию памяти воинов Русской Армии, павших в Первую мировую войну 1914–1918 гг., «Воинский собор», 2013.
- II. Монастырская, Марина. “Историко-градостроительные предпосылки создания Царскосельского мемориала Первой мировой войны (1914–1918 гг.): историко-градостроительное исследование”.

- дование». В рукописи *Проект: Воссоздание Братского кладбища героев Первой мировой войны в Царском Селе*, 1–20. СПб.: Благотворительный Фонд по увековечиванию памяти воинов Русской Армии, павших в Первую мировую войну 1914–1918 гг., «Воинский собор», 2014.
- III. Архив КГИОП. Вх. по. 3-6322 от 24.07.2014 [Россия. Санкт-Петербург. Архив Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга. Вх. по. 3-6322 от 24.07.2014].
- IV. Архив КГИОП. П 226-Г.Н-4290 [Россия. Санкт-Петербург. Архив Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга. П 226-Г.Н-4290].
- V. ОР РНБ. Ф. 885. Ед. хр. 266. [Россия. Санкт-Петербург. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Фонд 885. Единица хранения 266].
- VI. ЦГИА СПб. Ф. 262. Оп. 19. Д. 28. [Россия. Санкт-Петербург. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Фонд 262. Опись 19. Дело 28].
- VII. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 12564. [Россия. Санкт-Петербург. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Фонд 19. Опись 1. Дело 12564].
- VIII. РГИА. Ф. 1293. Оп. 167. Д. 136. [Россия. Санкт-Петербург. Российский государственный исторический архив. Фонд 1293. Опись 167. Дело 136].
- IX. РГИА. Ф. 487. Оп. 4. Д. 422. [Россия. Санкт-Петербург. Российский государственный исторический архив. Фонд 487. Опись 4. Дело 422].
- X. РГИА. Ф. 487. Оп. 4. Д. 53. [Россия. Санкт-Петербург. Российский государственный исторический архив. Фонд 487. Опись 4. Дело 53].
- XI. РГИА. Ф. 487. Оп. 4. Д. 54. [Россия. Санкт-Петербург. Российский государственный исторический архив. Фонд 487. Опись 4. Дело 54].
- XII. РГИА. Ф. 487. Оп. 4. Д. 90. [Россия. Санкт-Петербург. Российский государственный исторический архив. Фонд 487. Опись 4. Дело 90].
- XIII. ЦГИА СПб. Ф. 1205. Оп. 17. Д. 759. [Россия. Санкт-Петербург. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Фонд 1205. Опись 17. Дело 759].
- XIV. РГИА. Ф. 487. Оп. 4. Д. 268. [Россия. Санкт-Петербург. Российский государственный исторический архив. Фонд 487. Опись 4. Дело 268].
- XV. РГИА. Ф. 487. Оп. 4. Д. 540. [Россия. Санкт-Петербург. Российский государственный исторический архив. Фонд 487. Опись 4. Дело 540].
- XVI. РГИА. Ф. 487. Оп. 6. Д. 2241. [Россия. Санкт-Петербург. Российский государственный исторический архив. Фонд 487. Опись 6. Дело 2241].
- XVII. РГИА. Ф. 487. Оп. 6. Д. 2237. [Россия. Санкт-Петербург. Российский государственный исторический архив. Фонд 487. Опись 6. Дело 2237].
- XVIII. Архив ТГРИИ. 1730-02-34. [Россия. Санкт-Петербург. Архив Треста геодезических работ и инженерных изысканий. 1730-02-34].
- XIX. Архив ТГРИИ. 1730-03-34. [Россия. Санкт-Петербург. Архив Треста геодезических работ и инженерных изысканий. 1730-03-34].
- XX. РГИА. Ф. 487. Оп. 6. Д. 2240. [Россия. Санкт-Петербург. Российский государственный исторический архив. Фонд 487. Опись 6. Дело 2240].
- XXI. РГИА. Ф. 487. Оп. 5. Д. 1370. [Россия. Санкт-Петербург. Российский государственный исторический архив. Фонд 487. Опись 5. Дело 1370].
- XXII. РГИА. Ф. 487. Оп. 4. Д. 753. [Россия. Санкт-Петербург. Российский государственный исторический архив. Фонд 487. Опись 4. Дело 753].
- XXIII. Кашкевич, Марина, Анна Галышева, и Анастасия Леднева. “Информационный отчет Геологического факультета СПбГУ о проведении геофизических изысканий”. В рукописи *Проект: Воссоздание Братского кладбища героев Первой мировой войны в Царском Селе*, 1–11. СПб.: Благотворительный Фонд по увековечиванию памяти воинов Русской Армии, павших в Первую мировую войну 1914–1918 гг., «Воинский собор», 2007.

Статья поступила в редакцию 2 сентября 2021 г.;
рекомендована к печати 24 февраля 2022 г.

Контактная информация:

Васильева Елена Николаевна — независимый исследователь; elena.saintpb@gmail.com
Монастырская Марина Евгеньевна — канд. архитектуры, доц.; gradoved@gmail.com

Tsarskoye Selo Military Necropolis in the Cultural and Historical Context of the Development of Sofia

E. N. Vasileva¹, M. N. Monastyrskaya²

¹ 13, Pirogova per., St Petersburg, 190000, Russian Federation

² St Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering,

4, 2-ya Krasnoarmeyskaya ul., St Petersburg, 190005, Russian Federation

For citation: Vasileva, Elena, and Marina Monastyrskaya. "Tsarskoye Selo Military Necropolis in the Cultural and Historical Context of the Development of Sofia". *Vestnik of Saint Petersburg University. Arts* 12, no. 2 (2022): 319–363. <https://doi.org/10.21638/spbu15.2022.206> (In Russian)

The article explores the actual for St Petersburg agglomeration problem of preserving and using specialized objects of landscape architecture-historically equipped cemeteries, some of which have the status of a historical and cultural monument. The solution of this problem involves conducting interdisciplinary studies of these architectural and planning forms in order to establish their real value. There are objects the oldest cemeteries of the Pushkin district — Alexandrovskoye, Kuzminskoye, Moskovskaya Slavyanka, Pavlovskoye, Pokrovskoye, Shusharskoye and the most studied and therefore well-known to the Kazanskoye urban community in Pushkin (Tsarskoye Selo). The emergence and functioning of the latter is related to the cultural, historical and urban development of Tsarskoye Selo Sofia. The article presents the results of historical, architectural, urban planning and cultural researches carried out by the authors using a significant number of primary sources: textual, iconographic, statistical, cartographic and planographic archival documents, a large volume of which was first introduced into scientific circulation. The result of the work was the identification of the military memorial object of national significance — the Tsarskoye Selo military necropolis as an independent architectural and planning form of special purpose. The features of its formation are determined as part of cemeteries of the Tsarskoye Selo Military Hospital (mid-19th century), the Tsarskoye Selo military Cemetery (1887), the new cemetery of the Tsarskoye Selo garrison (1914) and the Tsarskoye Selo Fraternal Cemetery (1914). The specifics of its institutionalization and design and construction implementation, the patterns of spatial organization and architectural and landscape design, the trends of modern use are established. The study is carried out taking into account the phenomenology of the gradotypological transformation of Tsarskoye Selo Sofia: the district city of the St Petersburg province, the paramilitary suburb of Tsarskoye Selo, the prestigious residential district of Pushkin.

Keywords: architectural and planning form, military memorial object, military graves, Kazan cemetery, cultural heritage, Pushkin (Tsarskoye Selo), Sofia, Tsarskoye Selo Fraternal cemetery, Tsarskoye Selo military necropolis.

References

1. Bol'shakov, Andrei. *The Topology of the City of Belgorod*. Irkutsk: Izd-vo IRNITU Publ., 2017. (In Russian)
2. Krashenninnikov, Alexey. *Urban Development and the Urban Environment*. Raleigh NC: Open Science Publishing, 2017. (In Russian)
3. Egorov, Aleksei, and Il'ia Popov. *Tsarskoye Selo: The Memory of the Great War of 1914–1918*. Tsarskoye Selo: Beresta Publ., 2007. (In Russian)
4. Monastyrskaya, Marina. "'Urban Structures' as a Scientific-Practical Category". *Vestnik grazhdanskih inzhenerov*, no. 5/46 (2014): 14–23. (In Russian)
5. *Charitable Foundation "Military Cathedral"*. Accessed: July 11, 2021. <https://voinsobor.ru>. (In Russian)
6. Bardovskaia, Larisa, and Dmitrii Shvidkovskii. "New Information About the Architectural Monuments of Tsarskoye Selo Sofia". In RAN. Nauch. sovet po istorii mirovoi kul'tury. *Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia: pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiya: ezhegodnik*, ed. by Dmitrii Likhachev et al., 362–73. Moscow: Nauka Publ., 1997. (In Russian)

7. Gorbatenko, Sergei, and Andrei Ivanov. *Pushkinsky District of St Petersburg. Municipal Atlas. Research and Evaluation of Urban Planning Structures and Buildings in Order to Preserve the Architectural Heritage*. Foreword and notes by M. Karatuev, T. Slavina, with the participation of V. Lelina. St Petersburg: Ivan Fedorov Publ., 2002. (In Russian)
8. Mikishatev, Mikhail. "Sofia and Tsarskoe Selo (Transformation of the Concept of the "Ideal City" in the Architecture of Russian Classicism and Empire Style)". In *Tsarskoe Selo. Na perekrestke vremen i sudeb: materialy XVI Tsarskosel'skoi nauchnoi konferentsii: sbornik nauch. statei*, ed. by E. Krasnenkova et al., 86–99. 2 parts. St Petersburg: Izd-vo Gos. Ermitazha Publ., 2010, pt. 2. (In Russian)
9. Shvidkovskii, Dmitrii. "The Ideal City of Russian Classicism". In *Deni Didro i kultura ego epokhi*, comp. and general ed. by Vasilii Kisun'ko, 162–214. Moscow: Izd. VNII iskusstvoznaniia Publ., 1986. (In Russian)
10. Shvidkovskii, Dmitrii. "On the Question of the Reconstruction of the Tsarskoye Selo Ensemble by Ch. Cameron" *Arhitekturnoe nasledstvo*, no. 33 (1985): 62–8. (In Russian)
11. Shvidkovskii, Dmitrii. *Charles Cameron at the Court of Catherine the Second*. Moscow: Izd. zhurnala "Nashe nasledie" Publ., 2001. (In Russian)
12. Shvidkovskii, Dmitrii. *Charles Cameron and the Architecture of Imperial Residences*. Moscow: Ulei Publ., 2008. (In Russian)
13. Egorov, M., N. Rogulin, Yu. Bukin, and D. Troshin. *Tsarskoye Selo Regiments*, general ed. by Aleksei Egorov. St Petersburg: Serebrianyi vek Publ., 2009. (In Russian)
14. Manzei, Konstantin, comp. *The History of the Life Guards of the Hussar Regiment. 1775–1857*. 4 parts. St Petersburg: Voennaia tip. Publ., 1859, p. 1. (In Russian)
15. Semenova, Galina. *Tsarskoye Selo: Familiar and Unfamiliar*. Moscow; St Petersburg: Tsentrpoligraf Publ., 2009. (In Russian)
16. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire Science 1649*. 45 vols. St Petersburg: tip. II Otdeleniia Sobstvennoi E. I. V. Kantseliarii Publ., 1830, vol. 20: 1775–1780. (In Russian)
17. Lunevskii, Semen. *Historical Sketch of Tsarskoye Selo <...>*. St Petersburg: tip. t-va "Narodnaia pol'za" Publ., 1907. (In Russian)
18. Panov, Viktor. *Tsarskoye Selo Necropolis. The First Cemeteries of Tsarskoye Selo. Kuzminskoye Cemetery*. St Petersburg: s. n., 2011. (In Russian)
19. [Chernega, Aleksandr]. "Quarenghi's Drawings". *Livejournal*. Accessed: August 24, 2021. <https://kraeveds-spb.livejournal.com/203586.html>. (In Russian)
20. Iakovkin, Il'ia, comp. *Description of the Village of Tsarskoye, Or a Satellite Viewing It with a Plan and Brief Historical Explanations*. Introd. article and comment. by Galina Semenova. St Petersburg: Kolo Publ., 2008. (In Russian)
21. Pushkarev, Ivan. *Description of St Petersburg and the District Cities with. St Petersburg Province*. 4 parts. St Petersburg: tip. S.-Peterburgskogo gubernskogo pravleniia Publ., 1841, pt 3. (In Russian)
22. Semenov, Petr, and Vasilii Zverinskii, comp. *Geographical and Statistical Dictionary of the Russian Empire*. 5 vols. St Petersburg: tip. V. Bezobrazova i komp. Publ., 1885, vol. 5. (In Russian)
23. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire Science 1649*. 45 vols. St Petersburg: tip. II Otdeleniia Sobstvennoi E. I. V. Kantseliarii Publ., 1830, vol. 30: 1808–1809. (In Russian)
24. "The System of Military Ranks in the Russian Imperial Army". *Rossiiskaia Imperiia*. Accessed: August 24, 2021. <https://www.rusempire.ru/arkhiv-statej/1881-sistema-voinskikh-zvanij-v-rossijskoj-imperatorskoj-armii.html>. (In Russian)
25. Smirnitskii, Ioann. "The Church of the Kazan Mother of God at the Tsarskoye Selo Cemetery". In *Istoriko-statisticheskie svedeniia o S.-Peterburgskoi eparkhii*, 350–8. 10 issues. St Petersburg: tip. Departamenta Udelov Publ., 1884, iss. 8. (In Russian)
26. Vil'chkovskii, Sergei. *Tsarskoye Selo*. Introd. article by A. Alekseev. 1911. Reprint, St Petersburg: Titul Publ., 1992. (In Russian)
27. [Semenova, Galina]. "Sofia Postal Yard-Tsarskoye Selo Military Hospital". *Citywalls*. Accessed: August 24, 2021. <https://www.citywalls.ru/house18415.html>. (In Russian)
28. "His Imperial Majesty's Own Convoy". *Wikipedia*. Accessed: August 24, 2021. https://ru.wikipedia.org/wiki/Собственный_Его_Императорского_Величества_Конвой. (In Russian)
29. Chudinov, Aleksandr. "Ahun". *Akademik*. Accessed: August 24, 2021. https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/2595/АХУН. (In Russian)
30. Panov, Viktor. *Tsarskoye Selo Necropolis. Kazan Cemetery*. St Petersburg: Tsarskosel'skaya b-ka Publ., 2005. (Tsarskosel'skii al'manakh.) (In Russian)

31. Davydova, Nataliia, and Galina Gruzdeva, eds. *Tsarskoye Selo Necropolis*. St Petersburg: Serebrianyi vek Publ., 2014. (In Russian)
32. Khokhlov, Il'ia. "Without a Name, Rank, or Trace". *Novgorodskie vedomosti*, January 24, 2018. (In Russian)
33. "Tsarskoye Selo Kazan Military Cemetery". *Pribavlenie k tserkovnym vedomostiam*, no. 43 (1892): 1491–2. (In Russian)
34. "Order no. 54 of October 19, 1887". In *Priказы по воикам гвардии i Peterburgskogo voennogo okruga za 1887 g.* St Petersburg: s. n., 1887. (In Russian)
35. Medvedev, Gennadii, Marina Ovchinnikova, and Aleksandra Smirnova. "The Moscow Semyonovsky Cemetery is a Necropolis of Military Glory of Russia". Accessed: August 24, 2021. <https://archnadzor.livejournal.com/102985.html>.
36. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The Third Collection*. 33 vols. St Petersburg: Gos. Tip. Publ., 1913, vol. 30: 1910, pt. II. (In Russian)
37. "The First Fraternal Cemetery in Russia". *Vestnik Tsarskosel'skogo raiona*, no. 9 (1916): 5–11. (In Russian)
38. Meshchaninov, Mikhail. *Temples of Tsarskoye Selo, Pavlovsk and Their Immediate Surroundings*. 2nd ed. St Petersburg: Genio Loci Publ., 2007. (In Russian)
39. "The Project of the Memorial Church at the Fraternal Cemetery". *Arkhitekturno-khudozhestvennyi ezhenedel'nik Imperatorskogo obshchestva arkhitektorov-khudozhnikov*, no. 30 (1916): 312–3. (In Russian)
40. "At the Fraternal Cemetery". *Vestnik Tsarskosel'skogo raiona*, no. 9 (1916): 119–20. (In Russian)
41. Roerich, Nikolai. "Divinets". *Tsarskosel'skii raion i osobyi evakuatsionnyio punkt*, no. 6 (1915): 5–6. (In Russian)
42. "German Aerial Photography of Leningrad During WWII". *EtoMesto*. Accessed: July 11, 2021. http://www.etomesto.ru/map-peterburg_aero-photo/. (In Russian)

Sources

- I. Vasileva, Elena. "Tsarskoye Selo Fraternal Cemetery: A Historical Reference". In *Proekt: Vossozhdanie Bratskogo kladbishcha geroev Pervoi mirovoi voiny v Tsarskom Sele*, 1–52. St Petersburg: Blagotvoritel'nyi Fond po uvekovechivaniuu pamiati voinov Russkoi Armii, pavshikh v Pervuii mirovuii voinu 1914–1918 gg. "Voinskii sobor" Publ., 2013. (In Russian)
- II. Monastyrskaya, Marina. "Historical and Urban Planning Prerequisites for the Creation of the Tsarskoye Selo Memorial of the First World War (1914–1918): Historical and Urban Planning Research". In *Proekt: Vossozhdanie Bratskogo kladbishcha geroev Pervoi mirovoi voiny v Tsarskom Sele*, 1–20. St Petersburg: Blagotvoritel'nyi Fond po uvekovechivaniuu pamiati voinov Russkoi Armii, pavshikh v Pervuii mirovuii voinu 1914–1918 gg. "Voinskii sobor" Publ., 2013. (In Russian)
- III. *Arkhiv KGIOF. Vh. no. 3-6322 ot 24.07.2014 [Russia. St Petersburg. Archive of the Committee for State Control, Use and Protection of Historical and Cultural Monuments of St Petersburg. Incom. no. 3-6322 on 24.07.2014]*.
- IV. *Arkhiv KGIOF. P 226-G, H-4290 [Russia. St Petersburg. Archive of the Committee for State Control, Use and Protection of Historical and Cultural Monuments of St Petersburg. P 226-G, H-4290]*.
- V. OR RNB. F.885. Ed. Khr. 266. [Russia. St Petersburg. Russian National Library. Manuscripts Department. Stock 885. Record 266]. (In Russian)
- VI. TSGIA SPb. F. 262. Op. 19. D. 28. [Russia. St Petersburg. Central State Historical Archive of St Petersburg. Stock 262. Inventory 19. File 28].
- VII. TSGIA SPb. F. 19. Op. 1. D. 12564. [Russia. St Petersburg. Central State Historical Archive of St Petersburg. Stock 19. Inventory 1. File 12564].
- VIII. RGIA. F. 1293. Op. 167. D. 136. [Russia. St Petersburg. Russian State Historical Archive. Stock 1293. Inventory 167. File 136].
- IX. RGIA. F. 487. Op. 4. D. 422. [Russia. St Petersburg. Russian State Historical Archive. Stock 487. Inventory 4. File 422].
- X. RGIA. F. 487. Op. 4. D. 53. [Russia. St Petersburg. Russian State Historical Archive. Stock 487. Inventory 4. File 53].
- XI. RGIA. F. 487. Op. 4. D. 54. [Russia. St Petersburg. Russian State Historical Archive. Stock 487. Inventory 4. File 54].
- XII. RGIA. F. 487. Op. 4. D. 90. [Russia. St Petersburg. Russian State Historical Archive. Stock 487. Inventory 4. File 90].

- XIII. TSGIA SPb. F.1205. Op. 17. D.759. [Russia. St Petersburg. Central State Historical Archive of St Petersburg. Stock 1205. Inventory 17. File 759].
- XIV. RGIA. F.487. Op. 4. D.268. [Russia. St Petersburg. Russian State Historical Archive. Stock 487. Inventory 4. File 268].
- XV. RGIA. F.487. Op. 4. D.540. [Russia. St Petersburg. Russian State Historical Archive. Stock 487. Inventory 4. File 540].
- XVI. RGIA. F.487. Op. 6. D.2241. [Russia. St Petersburg. Russian State Historical Archive. Stock 487. Inventory 6. File 2241].
- XVII. RGIA. F.487. Op. 6. D.2237. [Russia. St Petersburg. Russian State Historical Archive. Stock 487. Op. 6. File 2237].
- XVIII. Archiv TGR II 1730-02-34 [Russia. St Petersburg. Archive of Trust of Geodetic Works and Engineering Surveys. 1730-02-34].
- XIX. Archiv TGR II 1730-03-34 [Russia. St Petersburg. Archive of Trust of Geodetic Works and Engineering Surveys. 1730-03-34].
- XX. RGIA. F.487. Op. 6. D.2240. [Russia. St Petersburg. Russian State Historical Archive. Stock 487. Inventory 6. File 2240].
- XXI. RGIA. F.487. Op. 5. D.1370. [Russia. St Petersburg. Russian State Historical Archive. Stock 487. Inventory 5. File 1370].
- XXII. RGIA. F.487. Op. 4. D.753. [Russia. St Petersburg. Russian State Historical Archive. Stock 487. Inventory 4. File 753].
- XXIII. Kashkevich, Marina, Anna Galysheva, and Anastasiia Ledneva. "Information Report of the Faculty of Geology of St Petersburg State University on the Conduct of Geophysical Surveys". In *Proekt: Vossozhdanie Bratskogo kladbishcha geroev Pervoi mirovoi voiny v Tsarskom Sele*, 1–11. St Petersburg: Blagotvoritel'nyi Fond po uvekovechivaniiu pamiati voinov Russkoi Armii, pavshikh v Pervuiu mirovuiu voinu 1914–1918 gg., "Voinskii sobor" Publ., 2007. (In Russian)

Received: September 2, 2021

Accepted: February 24, 2022

Authors' information:

Elena N. Vasileva — Independent Researcher; elena.saintpb@gmail.com

Marina E. Monastyrskaya — PhD in Architecture, Associate Professor; gradoved@gmail.com